
18+
КРАСНОЕ СОЛНЦЕ АНТАРКТИДЫ
ВЛАДИСЛАВ СОКОЛОВ

Владислав Соколов

Красное солнце Антарктиды

«Издательские решения»

Соколов В.

Красное солнце Антарктиды / В. Соколов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Осень 1931 года. Советский Союз отправляет секретную экспедицию на край света. Головной эсминец «Красный Октябрь» с экспериментальным оружием на борту должен пересечь океан и достичь неизведанных земель Антарктиды.Учёный-полярник Тимофей Радциг едва успевает войти в курс дела: корабль ещё не достроен, заводские цеха гремят круглые сутки, а в чертёжных бюро орудует неуловимый шпион. Вместе с командой инженеров, военных и отчаянной девушкой-фотографом он отправляется в путь, который изменит всё.

© Соколов В.
© Издательские решения

Содержание

Красное солнце Антарктиды 6
Глава 1 7
Глава 2 17
Глава 3 26
Глава 4 36
Глава 5 45
Глава 6 57
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Красное солнце Антарктиды

Владислав Соколов

© Владислав Соколов, 2026

ISBN 978-5-0071-6736-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красное солнце Антарктиды

Глава 1

Октябрь в Ленинграде тридцать первого года выдался на редкость водянистым, будто город решили медленно растворить в балтийской мороси. Дождь не падал сверху, а висел в воздухе плотной, студёной пылью, оседал на шерстяных тужурках прохожих, на чугунных перилах мостов и на круглых очках Тимофея Михайловича Радцига.

Тимофей шёл по набережной Васильевского острова, держа под мышкой объёмистую папку из прессованного картона, перетянутую аптечной резинкой. Папка была сухой, потому что он прижимал её к рёбрам под полой старого, ещё петроградских времён реглана, а вот ботинки с квадратными носами безнадёжно промокли на стыке подошвы и ранта. С этим приходилось мириться: приличной гуталиновой смазки в хозяйственном на Среднем проспекте не завозили с прошлой среды.

У массивных дверей Академии наук он остановился, снял очки и вытер стёкла уголком фланелевой тряпицы, которую всегда носил в жилетном кармане. Мир вокруг на мгновение превратился в мягкое серое пятно, где мутная Нева сливалась с мутным небом, а гранитные парапеты казались графитовыми полосами, проведёнными неуверенной рукой чертёжника. Вернув очки на переносицу, Тимофей дёрнул тяжёлую дубовую створку.

В вестибюле пахло сырым сукном, мастикой и вековой академической бумагой — специфическим духом переплётного клея, пыли и мерно угасающего девятнадцатого столетия. Пожилой швейцар в форменной фуражке без кокарды мазнул по нему равнодушным взглядом и привычно кивнул:

— К Николаю Степановичу? У себя. Ждут-с.

Слово «ждут-с» швейцар произносил с едва уловимым дореволюционным придыханием, за которое на фабричных собраниях уже могли бы строго спросить по профсоюзной линии, но здесь, под лепными сводами, эти звуки застревали в углах, как прошлогодняя паутина.

Тимофей поднялся на второй этаж. Ступени из пудожского камня были вытерты посередине тысячами подошв до гладких, полукруглых ложбин. В приёмной секретарь — сухопарая женщина с аккуратно уложенными седыми косами — лишь молча указала кончиком деревянной перьевой ручки на высокую дверь, обитую коричневым дерматином.

Кабинет академика Грязнова напоминал склад геологических редкостей, по недоразумению совмещённый с библиотекой. Вдоль стен высились дубовые шкафы с застеклёнными полками, где штуфы апатитов и кристаллы исландского шпата соседствовали с пухлыми томами трудов Географического общества. За широким столом, заваленным картами и гранками статей, сидел сам Николай Степанович — коренастый старик с густыми, будто из серой пакли свитыми бровями и цепким, молодым взглядом из-под них.

— Садись, Радциг, — не здороваясь, бросил Грязнов и ткнул мундштуком папиросы «Сафо» в сторону кожаного кресла. — Ноги промочил? Конечно, промочил. Осень у нас нынче немарксистская. Сплошная стихия без всякого диалектического плана.

Тимофей сел на краешек глубокого кресла, положив папку на колени.

— Вызывали, Николай Степанович?

— Вызывал. — Старик чиркнул спичкой, окутавшись едким белым дымом. — Скажи мне, Радциг, ты свою монографию по геоморфологии шельфовых ледников закончил?

— Первый том сдан в набор. Второй в черновиках. Таблицы промеров глубин требуют уточнения по норвежским данным, но библиотека Академии не получала свежих отчётов Ларса Кристенсена.

— И не получит, — отрезал академик. — Норвежцы теперь свои данные прячут в сейфы. Англичане тоже. Все вдруг вспомнили, что на глобусе внизу есть белое пятно размером с полтора европейских материка, и решили, что это пятно должно принадлежать им. Ты знаешь, что такое Антарктида, Радциг?

Тимофей чуть наклонил голову. Вопрос показался ему слишком школьным, почти нелепым для этих стен, но он ответил ровно, без тени улыбки:

— Знаю. Лёд. Холод. Тишина.

— Вот именно, — Грязнов выпустил струю дыма прямо в потолок, где над лепной розеткой висела тусклая сорокаваттная лампочка. — Лёд, холод и тишина. Была тишина, Тимофей Михайлович. А теперь там становится шумно. Американцы возят туда самолёты пачками, адмирал Бэрд строит базы на шельфе Росса, немцы снаряжают китобойные флотилии, набитые топографами и гидрографами с военным прошлым. А мы сидим на Васильевском острове и ждём норвежских бюллетеней.

Академик выдвинул ящик стола, достал оттуда плотный пакет из крафт-бумаги, запечатанный тремя сургучными печатями тёмно-вишнёвого цвета, и бросил его поверх карт.

— В общем так. Постановлением Совета Труда и Обороны формируется специальная военно-научная экспедиция в южные полярные широты. Официально — океанографические исследования, изучение гидрологического режима и картографирование неизученных секторов побережья Земли Королевы Мод. Неофициально… — Грязнов постучал сухим пальцем по сургучу. — Ты назначен научным руководителем экспедиции.

Тимофей моргнул за стеклами очков. В висках тихонько стукнуло.

— Я? Но есть профессора с опытом… Самойлович, Визе. Они прошли Арктику от края до края.

— Они нужны на Севере. Север — наш фасад, Северный морской путь строить надо, туда все силы брошены. А здесь нужен человек без лишней академической свиты, крепкий физически, знающий полярную методику и… умеющий молчать. Ты ведь молчать умеешь, Радциг?

Тимофей ничего не ответил. Молчание было его главным навыком последние двенадцать лет, с тех самых пор, как в девятнадцатом году на тифозном эвакуационном пункте под Тулой сгинули его отец и мать, пока он сам, девятнадцатилетний студент, разгружал вагоны с дровами

на Казанском вокзале в Москве. Он не успел приехать, не успел привезти пайковый сахар, не успел даже похоронить. С тех пор мир внутри него делился на точные, выверенные факты — плотность фирна, координаты изобат, азимуты ветров — и пустоту, о которой не следовало говорить вслух.

— Знаю, что умеешь, — вздохнул старик, правильно истолковав его паузу. — Корабль готовится. Новейший. Не какая-нибудь старая шхуна, застрявшая в дрейфе, а быстроходный лидер. Пойдёте через Атлантику. Задача науки — дать геофизический профиль района, взять пробы грунтов, донных отложений и провести глубинную разведку одного специфического сектора. Там, говорят, гидрология с чертовщинкой.

— С чертовщинкой? — переспросил Тимофей. Это слово в устах председателя секции физико-математических наук звучало почти дико.

— В пакете всё изложено. Мандат, предписания, явки. Прямо сейчас бери ноги в руки и отправляйся на завод имени Жданова. Северная набережная, причальная стенка. Там найдёшь капитана и заводчан. Вопросы есть?

— Сроки?

— Вчера, — сухо ответил Грязнов. — Как всегда у нас. Иди, Радциг. И пальто застегни на все пуговицы. Ты нам нужен живой и без плеврита.

На улице дождь почти прекратился, сменившись промозглым, плотным сквозняком с залива. Тимофей сунул запечатанный пакет во внутренний карман реглана — бумага легла к сердцу жёстким, твёрдым ребром — и пошёл в сторону моста Лейтенанта Шмидта.

Город жил своим утренним, нервным и торопливым ритмом. По набережной дребезжали телеги с фанерными ящиками, запряжённые битюгами в грязных кожаных хомутах; мимо с гулким ворчанием прополз полуторатонный грузовик завода «АМО», обдав Тимофея сизым бензиновым чадом. На углу восьмой линии торговали мочёными яблоками из деревянной кадки; продавщица в ватной душегрейке ловко поддевала скользкие желтоватые плоды деревянной ложкой, заворачивая их в серые обрывки обёрточной бумаги.

Тимофей подошёл к трамвайной остановке у моста. Народу скопилось порядочно: рабочие Балтийского завода в кепках и брезентовых куртках, женщины в шерстяных платках с авоськами, краснофлотец с вещевым мешком через плечо.

Когда к деревянной платформе с визгом и лязгом подкатил красно-жёлтый вагон серии «МХ», Тимофей втиснулся на заднюю площадку, с трудом держась за липкий поручень. Вагон дёрнулся, стекло над головой мелко задребезжало в такт стуку колёс на стрелках.

— Гражданин, передаём за проезд! — зычно крикнула кондукторша с медной сумкой на кожаном ремне.

Тимофей полез в карман за медяками, рассеянно глядя в запотевшее окно. Мысли его уже неслись впереди трамвая. Шельфовые ледники. Сектор Земли Королевы Мод. Если верить скудным английским картам двадцатых годов, береговая линия там была нанесена пунктиром — чисто теоретическая граница между неподвижным материковым льдом и океанической зыбью. Что там искать Главному морскому штабу? Руды? Уголь? В тридцать первом году

страна лихорадочно искала всё: молибден, вольфрам, цветные металлы для первой пятилетки. Но посылать за тридевять земель быстроходный военный корабль ради пары ящиков кернов?..

Вагон резко затормозил, свернул направо, уходя от реки вглубь промышленных кварталов.

Тимофей встрепенулся, вгляделся в мутные очертания домов за окном и внезапно понял, что проехал поворот на Гутуевский остров. Вагон с грохотом катил мимо складов по направлению к Нарвской заставе.

— Чёрт возьми, — негромко пробормотал он себе под нос.

Он перепутал третий номер с двенадцатым. Тимофей Михайлович Радциг, автор трёх десятков научных статей, специалист по ориентации в условиях полярной ночи и снежной слепоты, умудрился заблудиться в четырёх трамвайных маршрутах родного Ленинграда.

— Схожу на следующей, — виновато сказал он стоявшему рядом слесарю с чугунным тройником в руках.

Слесарь сплюнул под ноги и философски заметил:

— Бывает, командир. Главное — в Неву не спрыгнуть, вода нынче студёная.

Выбравшись на мостовую где-то у старых скотобоен, Тимофей поправил шарф и зашагал пешком. Он шёл быстро, длинными шагами худощавого человека, привыкшего мерить километры по тундре. Мимо тянулись бесконечные кирпичные заборы, увитые ржавой проволокой, глухие торцы фабричных корпусов, штабеля неструганых досок.

Ленинград здесь пах иначе, чем на Дворцовой или Университетской. Здесь не было запаха гранита и музейной вечности. Здесь пахло сырым каменным углём, горячей окалиной, карбидом и пережжённым подсолнечным маслом из заводских столовых. Это был огромный, тяжело дышащий механизм, строящий сам себя заново, и Тимофей внезапно почувствовал странный укол вины: тысячи этих людей в промасленной спецодежде изо дня в день стояли у токарных станков «Дип-200», плавили чугун и клепали котлы, а он собирался уплыть от этой серой осени на самый край планеты, в царство чистого белого льда.

И всё же внутри, под спудом академической сдержанности, уже начинала раскручиваться тугая, звонкая пружина мальчишеского азарта.

Завод имени Жданова начинался за высоким забором из шлакоблоков, увенчанным витками колючей ленты. На проходной дежурил караул военизированной охраны в длинных сине-серых шинелях с брезентовыми подсумками на ремнях.

Тимофей предъявил пропуск Академии и запечатанное отношение за подписью Грязнова. Пожилой красноармеец с глубокими морщинами вокруг рта долго вертел бумагу, сличал фотографию в удостоверении с небритым лицом Тимофея, переводил взгляд с печатей на его круглые очки и, наконец, приложил к бланку штамп с датой: «1 октября 1931 г. ВХОД РАЗРЕШЁН».

— Пройдёте прямо по главной колее до котельной, потом налево к Большому ковшу, к Северной набережной, — глуховато объяснил дежурный. — Осторожнее под кранами, там балки катают.

Едва Тимофей пересёк линию ворот, как город окончательно исчез.

Здесь не было мостовых. Не было асфальта — его не успели положить или содрали гусеницами тяжёлых тягачей. Под ногами чавкала чёрная, жирная земля, густо перемешанная с каменноугольной пылью, мазутной жижей и блестящей стальной стружкой, которая противно хрустела под подошвами, как битое стекло.

Территория завода походила на гигантский муравейник, развороченный неведомой силой. Слева грохотал кузнечный цех: через открытые проёмы ворот вырывались ослепительные багровые всполохи, и земля вздрагивала от ритмичных, утробных ударов пятитонного парового молота: бум-м… бум-м… бум-м… Справа высились горы проката — толстые листы корабельной стали, двутавры, гигантские трубы паропроводов, покрытые рыжим налётом свежей ржавчины.

В воздухе висела сизая мгла, прорезанная шипящими голубыми огнями электросварки. Запах стоял такой плотный, что его можно было резать ножом: жжёное трансформаторное масло, едкий дым коксовых печей, сырость речного ила и резкий, щиплющий ноздри дух нашатыря.

Мимо Тимофея четверо рабочих в брезентовых рукавицах катили на чугунных роликах массивную броневую плиту. Лица их были закопчены до черноты, виднелись только белки глаз да белые зубы.

— Поберегись, гражданин в шляпе! — весело крикнул один из них, с натугой упираясь плечом в стальной торец. — Ноги оторвёт, в Академии новые не пришьют!

Тимофей посторонился, перешагнув через толстый резиновый шланг пневмомагистрали, который дергался и шипел в луже мазута, как живая змея. Он чувствовал себя здесь нелепым, книжным пришельцем со своей картонной папкой и мокрыми ботинками. Но вместе с тем в этой первобытной, яростной энергии созидания было нечто захватывающее. Люди строили флот. Не на параде, не на плакатах — в грязи, в копоти, на холодном балтийском ветру.

Он вышел к Северной набережной. Здесь открывался вид на просторный заводской ковш — часть Большого бассейна. Вода в заливе была серой, тяжёлой, покрытой радужными разводами отработанного топлива. Вдоль деревянной причальной стенки выстроились портальные краны, их решётчатые стрелы медленно поворачивались в низком небе, перенося над водой тяжеленные узлы механизмов.

На углу набережной стояло трёхэтажное здание заводоуправления из дореволюционного красного кирпича. На крыше его полоскался на ветру кумачовый транспарант: «Дадим стране мощные морские крепости к концу ударного года!»

Тимофей поднялся по деревянным сходням к дверям управления, отряхнул грязь с подошв о железный скребок и толкнул дверь.

Кабинет главного инженера на втором этаже завода мало походил на академические апартаменты Грязнова. Здесь не было ни древностей, ни тишины. Стены были выкрашены казённой масляной краской грязно-зелёного цвета, на одной из них висела огромная схема стапельных мест завода, на другой — подробный чертёж судового корпуса с сотнями сечений и выносных линий. На массивном дубовом столе царил организованный хаос: рулоны кальки, логарифмические линейки, стаканы в мельхиоровых подстаканниках с остывшим чаем и тяжеленная пепельница из обрезанного артиллерийского донца, доверху забитая окурками «Беломора».

В кабинете находились трое.

Первым Тимофей заметил капитана. Тот стоял у окна спиной к двери, заложив руки за спину. Даже со спины в нём чувствовалась железная выправка кадрового моряка: тёмно-синий китель сидел идеально, без единой морщинки, воротник плотно охватывал шею. Когда дверь скрипнула, капитан повернулся. Лицо его, обветренное до кирпичной красноты, пересекал тонкий белёсый шрам — от левого виска через бровь к самой переносице. Взгляд серых, глубоко посаженных глаз был холодным и оценивающим.

— Радциг? — негромко спросил капитан. Голос у него был хриплый, простуженный на ветрах.

— Тимофей Михайлович, — кивнул Тимофей. — Научный руководитель от Академии.

— Командир корабля, капитан первого ранга Черкасов, — сухо представился военный, коротко пожав ему руку. Ладонь у капитана была сухой и жёсткой, как просмоленный канат. — Это мой старший помощник, старший лейтенант Суворов.

Второй офицер — коренастый, плечистый, с открытым скуластым лицом и копной непокорных русых волос — широко улыбнулся и кивнул из угла, где крутил в руках медный корпус навигационного секстана:

— Здравия желаем, товарищ учёный. Надеюсь, к морской болезни иммунитет имеете? Балтика сейчас весёлая.

— Проверим, — сдержанно отозвался Тимофей.

— А это наш главный возмутитель спокойствия, — Черкасов указал на третьего человека, сидевшего за столом. — Инженер Кольцов. Заводской конструктор и автор тех чудес, ради которых нас гонят на край света.

Алексею Кольцову было на вид не больше тридцати. Худой, с взъерошенными тёмными волосами, в мятом парусиновом пиджаке, на рукавах которого чернели пятна туши, он походил на студента-переростка, забывшего поесть и поспать. Глаза его за круглыми стеклами роговой оправы горели лихорадочным, почти детским блеском.

— Очень приятно! Ужасно рад! — затараторил Кольцов, вскакивая и протягивая Тимофею испачканную графитом руку. — Наконец-то представитель точной науки! А то военные всё мыслят категориями калибров и толщины броневого листа. Вы видели техзадание, Тимофей Михайлович? Вы понимаете, какой это прорыв?

— Я видел только запечатанный пакет, — честно признался Тимофей, кладя папку на угол стола. — Мне сказали, что все подробности я узнаю здесь.

— Подробности простые, — вмешался Черкасов, подходя к столу и опираясь на него кулаками. — Мы идём на головном эсминце нового типа. Официально в серию он пойдёт как проект номер один, лидер «Ленинград». Но наш корпус — опытный, заводской номер С-449. Имя приказом Реввоенсовета присвоено вне табеля — «Красный Октябрь».

— Почему вне табеля? — спросил Тимофей.

— Потому что на нём установлено то, чего на серийных кораблях не будет ещё лет десять, — отрезал капитан. — Или не будет никогда, если мы не вернёмся. Алексей Григорьевич, доложите профессору суть его плавучей лаборатории.

Кольцов схватил со стола длинный лист кальки, придавил его с одного края пустой гильзой, а с другого — стаканом с недопитым чаем.

— Смотрите! Водоизмещение две с половиной тысячи тонн. Три паровые турбины общей мощностью шестьдесят шесть тысяч лошадиных сил. Мы выжмем сорок три узла, Радциг! Сорок три! Ни один британский крейсер нас не догонит в открытом море. Но главное не турбины. Главное — носовой спецотсек и трюм номер три.

Инженер ткнул пальцем в сложный чертёж, изобиловавший разрезами оптических линз и контурами высоковольтных кабелей.

— В носу, перед первой башней главного калибра, смонтирована тепловая установка. Мы называем её условно тепловой пушкой. Принцип — фокусированное излучение высокой плотности с питанием от отдельного турбогенератора через каскад кварцевых накопителей. Она способна плавить стальной лист толщиной в дюйм на дистанции до восьмисот метров за четыре секунды. Представляете, что она сделает с паковым льдом? Мы режем торосы, как горячий нож масло!

Тимофей нахмурился, вглядываясь в схему. В чертежах угадывалась строгая логика электромагнитных полей, но масштаб установки казался фантастическим.

— А охлаждение? — быстро спросил он. — При такой плотности потока кварцевая оптика должна испытывать колоссальные термические деформации.

Кольцов просиял, будто Тимофей сделал ему лучший комплимент в жизни:

— Забортная вода! Замкнутый контур с принудительной циркуляцией через медные теплообменники. В антарктических широтах забортная вода имеет температуру около нуля градусов — идеальный естественный радиатор! Но и это не всё. В трюме номер три у нас размещена машина ближней разведки — шаровой танк моей конструкции.

— Шаровой? — переспросил Тимофей, изо всех сил стараясь сохранить бесстрастное выражение лица.

— Монококовый сферический корпус из броневой стали, перемещение за счёт вращения внешнего сегментированного бандажа при стабильном гироскопическом положении внутренней кабины! — выпалил Кольцов, размахивая руками. — Он не боится трещин во льду, он перекатывается через расселины, плавает в шуге и оснащён спаренным пулемётом ДТ!

В порыве вдохновения инженер задел локтем стакан. Мутная коричневая жижа с чаинками хлынула на чертёж носовой оконечности корабля.

— Ой, чёрт… — спохватился Кольцов, судорожно пытаясь собрать чай рукавом пиджака, отчего пятно лишь расползлось во все стороны, превращая тонкую графику в грязное месиво.

Тимофей смотрел на расплывающееся пятно и думал: «Он либо абсолютный гений, либо безумец. Впрочем, гении имеют полное право заливать свои чертежи остывшим чаем».

Черкасов даже бровью не повёл. Он лишь спокойно убрал со стола зажигалку и негромко произнёс:

— Теплопушка — это прекрасно, Алексей Григорьевич. Если она сработает. А если у вас замкнёт генератор посреди ледового поля в пяти тысячах миль от ближайшего советского порта, мы останемся без хода и без носовой группы турбин. И мы там сдохнем, Радциг. Все двести пятьдесят человек экипажа и ваша академическая группа в придачу. Надеюсь, вы понимаете, во что ввязываетесь?

— Понимаю, — спокойно ответил Тимофей, глядя в серые глаза капитана. — Но наука всегда связана с риском для аппаратуры и персонала. Без риска мы бы до сих пор сидели у костра и грели воду в берестяных туесах.

Черкасов внимательно посмотрел на него, и в глубине его зрачков на мгновение промелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Хорошо. Инструктаж окончен. Пойдёмте, профессор. Пора познакомиться с вашим новым домом на ближайшие полгода.

Они вышли из заводоуправления через боковую дверь, ведшую прямо к причальной стенке Северной набережной.

Ветер с Финского залива здесь разгулялся вовсю. Он рвал полы реглана, свистел в тросах кранов и приносил с собой горьковатый, ледяной запах открытой балтийской воды. Над головой низко неслись рваные серые тучи, почти цепляя верхушки портальных сооружений.

Они обогнули высокий кирпичный брандмауэр механического цеха, и перед Тимофеем открылась панорама Большого ковша.

Корабль стоял у самой стенки, ошвартованный толстыми стальными тросами к чугунным тумбам-кнехтам.

Тимофей замер.

Эсминец был огромен и вместе с тем поразительно, пугающе строен. В его облике не было тяжеловесной монументальности старых линкоров царской постройки, которые Тимофей мальчишкой видел на Кронштадтском рейде. Корпус «Красного Октября» напоминал клинок хирургического скальпеля, положенный на воду — узкий, хищный, с острым, сильно наклоненным вперёд форштевнем, рассчитанным на разрезание океанской волны на предельной скорости.

Длина его казалась чрезмерной для такой ширины — больше ста двадцати метров полированной, гладкой стали, ещё не тронутой серой шаровой краской, а покрытой матовым суриком цвета запекшейся крови. Вокруг корпуса громоздились деревянные леса; по ним, как муравьи, сновали рабочие с пневматическими клепальными молотками, выбивая дробный, оглушительный ритм.

На полубаке грозно возвышалась башня главного калибра со стволом длинной 130-миллиметровой пушки, зачехлённым просмоленным брезентом. Перед ней, прямо у среза носа, виднелся странный полусферический выступ из броневых плит с узкой горизонтальной амбразурой из массивного оптического стекла — отсек кольцовской тепловой установки. Позади двух наклонных дымовых труб, на месте кормовой надстройки, темнел продолговатый металлический ангар обтекаемой формы с закрытыми створками — убежище для дирижабля и гидросамолёта.

Корабль ещё дышал заводской суетой, из его чрева доносилось гулкое эхо ударов, шипение пара и крики такелажников, но в нём уже жила скрытая, хищная сила. Он был готов оторваться от этой грязной набережной, от мазутной земли и ржавых обрезков и уйти туда, где нет ничего, кроме воды и горизонта.

— Ну как вам наш «Октябрь»? — негромко спросил подошедший сзади старпом Суворов, поднимая воротник бушлата. — Красавец?

— Он… очень быстрый, — только и смог выговорить Тимофей.

— Сорок три узла на мерной миле, — с гордостью повторил старпом. — Англичане лопнут от злости, когда узнают. Если узнают, конечно.

Черкасов стоял рядом, заложив руки за спину, и молча смотрел на корабль. Шрам на его лице на холодном ветру потемнел, став лиловым.

— Завтра утром погрузка научного имущества и снаряжения, — не оборачиваясь, произнёс капитан. — Во вторник ходовые испытания турбин на внешнем рейде. В четверг — отход. Привыкайте к качке на берегу, Радциг. В море времени на раскачку не будет.

Тимофей ничего не ответил.

Он стоял у самого края причальной стенки, глядя вниз, туда, где тёмная, мазутная вода залива с глухим плеском билась о стальной борт эсминца. Ветер трепал его волосы, холодил лоб, срывал мелкие брызги с гребней волн и бросал их в лицо. Где-то за спиной лязгал металл, гудели топки, шумел великий и голодный город, вступавший в новую эпоху.

А впереди, за тысячи миль от этих гранитных набережных, лежал безмолвный ледяной континент, затянутый полугодовой тьмой, и над ним мерцало невидимое пока, чужое и грозное солнце.

Тимофей поправил очки, крепче прижал к боку мокрую картонную папку и подумал:

«Я поплыву на нём. Я поплыву в неизвестность».

И эта мысль больше не казалась ему чужой. Она звала.

Глава 2

Деревянный трап, переброшенный с причальной стенки на фальшборт эсминца, пружинил под ногами и мелко подрагивал от непрерывной заводской вибрации. Перила из грубой пеньковой верёвки были мокрыми и холодными; ладонь Тимофея сразу ощутила колючую, пропитанную дёгтем шершавость волокон.

Ступив на палубу «Красного Октября», он невольно задержал дыхание.

Здесь всё пахло иначе, чем на земле. Исчез дух навозной жижи и мокрой листвы Васильевского острова. Воздух над палубой состоял из летучей смеси свежего свинцового сурика, горячей олифы, едкого каменноугольного дыма и тонкой, металлической взвеси — следа десятков работавших наждаков и сварочных дуг. Под ногами лежали массивные стальные листы, рифлёные ромбовидным узором, чтобы подошвы матросских прогаров не скользили во время шторма. Сталь была ещё тёплой от недавней заклёпки.

По палубе, перешагивая через переплетения толстых кабелей и бронированных шлангов, сновали люди в синих замасленных робах и флотских бескозырках без лент. Где-то под фальшбортом с пронзительным шипением резали автогеном железный швеллер, и сноп ослепительно-белых искр веером осыпался в мутную воду между бортом и причалом.

Капитан Черкасов уже ждал у трапа. Он сменил парадную фуражку на рабочую капитанку с кожаным ремешком, пальто его было расстёгнуто, открывая суконный китель с орденской планкой. Рядом с командиром стоял старпом Суворов с планшетом из полированной фанеры под мышкой.

— Добро пожаловать на борт, Тимофей Михайлович, — негромко сказал Черкасов, не делая лишних жестов. — С этого момента вы приписаны к судовому довольствию и флотскому распорядку. Завод заканчивает сдачу отсеков военной приёмке. До вечера вам надлежит ознакомиться с расположением помещений, чтобы во время шторма не блуждать по переборкам, как институтка в казарме.

— Постараюсь выучить топографию объекта в кратчайшие сроки, — отозвался Тимофей, перехватывая свой тощий портфель.

— Топография здесь морская, — усмехнулся Суворов, подмигнув. — Стены у нас — переборки, потолок — подволок, пол — палуба, а кухня — камбуз. Если назовёте гальюн уборной, боцман Балашов вас три дня будет кормить исключительно сушёной воблой без чая. Пройдёмте, профессор, покажем вам ваше временное жилище и нервные узлы нашей посудины.

Мимо них двое матросов с натугой протащили длинный брезентовый рукав. Один из них, совсем молодой парень с круглым конопатым лицом и чубом, выбивавшимся из-под бескозырки, на мгновение скосил глаза на долговязую фигуру Тимофея в штатском реглане и круглых очках. Во взгляде матроса не было враждебности — только чистое, детское любопытство к человеку, добровольно променявшему сухопутную жизнь на железную коробку.

Они спустились через узкий сходной тамбур в офицерский коридор средней надстройки. После открытого ветра здесь показалось душно и тихо. Воздух был неподвижным, густо замешанным на запахе свежей белой эмали и флотского сукна.

Суворов распахнул тяжёлую дверь на задрайках:

— Кают-компания. Место коллективных размышлений, приёма пищи и культурного отдыха командного состава.

Помещение оказалось просторным, вытянутым вдоль правого борта. Посередине стоял массивный дубовый стол, наглухо привинченный к палубе чугунными лапами. Столешница была обтянута казённым зелёным бильярдным сукном. Вдоль переборок тянулись узкие диваны из коричневого дерматина с глубокой пуговичной простёжкой; над ними в латунных рамках висели генеральная карта Мирового океана Меркаторской проекции, портрет товарища Сталина в маршальской шинели и напечатанная типографским способом таблица сигналов флажного семафора.

Над столом мерно покачивались на карданных подвесах два плафона матового стекла в сетчатых защитных колпаках.

— Скромно, но со вкусом, — заметил Тимофей, потрогав упругий дерматин дивана. — Ничего лишнего.

— Лишнее в сорокаградусный крен летает от борта к борту и ломает людям рёбра, — бросил Черкасов, стоя в дверях. — Конструктивизм на флоте придумали задолго до московских архитекторов, Тимофей Михайлович. Здесь красота измеряется миллиметрами зазоров и центнерами полезного веса. Поднимитесь на мостик, Суворов покажет рулевую рубку. Я буду у главного строителя.

Они поднялись по двум крутым трапам в ходовую рубку.

Это было царство латуни, толстого граненого стекла и выверенной геометрии. Полукруглые бронированные иллюминаторы смотрели вперёд, на длинный, клиновидный полубак эсминца. В центре высилась массивная тумба гирокомпаса системы Сперри, её отполированный медный обод тускло поблёскивал в рассеянном свете пасмурного дня. Рядом замер дубовый штурвал с рукоятками из светлого ясеня, соединённый толстыми штуртросами с гидравлическим приводом румпельного отделения.

Вдоль переборок тянулись ряды медных переговорных труб с коническими раструбами и винтовыми пробками. Каждая труба несла на себе табличку из гравированного эбонита: «Носовая машина», «Кормовая машина», «БАК», «РУМПЕЛЬ», «СПЕЦОТСЕК».

Тимофей подошёл к лобовому стеклу. Отсюда завод казался плоским макетом, расчерченным черными линиями железнодорожных путей. Далеко впереди серая дымка вела к золотым воротам порта и далее к Финскому заливу, где горизонт тонул в мутной полосе дождя.

— Отсюда кораблём дышат, — тихо сказал подошедший Суворов. Он положил широкую ладонь на рукоять машинного телеграфа. — Дёрнешь ручку на «Самый полный» — и внизу, в шестнадцати котлах, ад начинается. Турбины подхватывают пар, винты вгрызаются в воду,

и вся эта громада весом в две с половиной тысячи тонн встаёт на дыбы и летит вперёд со скоростью курьерского поезда. Ощущение, скажу я вам, профессор, почище любого цирка.

— А если впереди айсберг? — спросил Тимофей, поправляя очки.

Старпом помрачнел, уголки его губ опустились:

— Для айсбергов у нас есть глаза рулевых, прожекторы и… кольцовская игрушка. Если, конечно, она способна жечь лёд так же лихо, как заводской спирт в кабинете главного инженера. Пойдёмте вниз, Алексей Григорьевич уже, небось, все манометры слюной закапал.

Спуск в машинное отделение напоминал погружение в кратер рукотворного вулкана.

Тимофей осторожно переставлял ноги по скользким железным ступенькам вертикальных трапов. Один ярус, второй, третий… С каждым пролётом температура воздуха поднималась на пять градусов, а дневной свет окончательно уступал место резким лучам электрических лампочек в бронированных плафонах.

На четвёртом ярусе его накрыл гул. Это не был грохот заводского молота — это была сплошная, давящая на барабанные перепонки низкочастотная вибрация, от которой начинали мелко дрожать зубы и внутренности. Здесь, в чреве «Красного Октября», уже держали пары вспомогательные котлы, готовясь к вечерней продувке магистралей.

В воздухе висела плотная, горячая взвесь из распылённого минерального масла, перегретого пара и озона. Тимофей почувствовал, как шерстяной реглан мгновенно стал тяжёлым и влажным, а по спине под сорочкой поползли горячие струйки пота.

На нижнем настиле, прямо у циклопических стальных цилиндров главных паровых турбин, их встретил старший механик Пётр Иосифович Вишняк. Это был кряжистый мужчина лет пятидесяти с совершенно седыми висками и лицом цвета дублёной юфти. На нём были надеты застиранные парусиновые штаны, подпоясанные куском пенькового линя, и серая фланелевая майка, открывавшая жилистые плечи, густо покрытые синими татуировками старого флота — якорями, цепями и девизом «Боже, Царя храни», поверх которого грубой чёрной тушью было набито косое слово «АННУЛИРОВАНО».

В руке стармех держал огромный разводной ключ весом пуда в полтора.

— Здорово, штабные! — перекрывая гул механизмов, гаркнул Вишняк. Голос у него был металлический, тренированный годами службы возле судовых топок. — Чего привели? Посторонним здесь не место, тут вам не лекторий общества «Знание»! Тут давление тридцать атмосфер в главном коллекторе!

— Остынь, Иосифович, — улыбнулся Суворов. — Это наш главный учёный, Тимофей Михайлович Радциг. Будет измерять глубины под твоим килем, чтобы ты ненароком винтами дно не пощупал.

Вишняк смерил Тимофея тяжелым, подозрительным взглядом из-под кустистых бровей, вытер ладонь о штанину и протянул руку. Рукопожатие походило на попадание в слесарные тиски.

— Механик Вишняк. Будем знакомы. Профессор, значит? Книжки пишете? А у меня тут вся наука в трёх словах: пар, мазут и зазоры. Видите эти три туши?

Он ткнул ключом в сторону стальных кожухов турбин низкого и высокого давления, от которых во все стороны расходились толстые трубы паропроводов, обмотанные белым асбестовым шнуром.

— Три агрегата системы Парсонса отечественной сборки. Шестьдесят шесть тысяч лошадей на максимальном форсаже. Три гребных вала толщиной с вековую сосну. На мерной миле заводские испытатели выжали сорок три с половиной узла. Корпус дрожит, заклёпки стонут, но машина держит! Англичане на своих «трайблах» тридцать шесть считают за счастье. Лопнут от злости ихние лорды из Адмиралтейства, когда наши дымы над морем увидят!

Из-за корпуса редуктора вынырнул Кольцов. Инженер был без пиджака, в расстёгнутой на груди косоворотке, нос его украшало свежее пятно графитовой смазки.

— Пётр Иосифович, не пугайте мировую науку мощностями! — весело выкрикнул он. — Главная мощь пойдёт не только на гребные винты. Тимофей Михайлович, посмотрите сюда!

Кольцов подвёл их к массивному агрегату, смонтированному на отдельном виброизолирующем фундаменте по левому борту. Это был цилиндрический генератор постоянного тока необычной формы, оплетённый медными шинами толщиной в ладонь.

— Вот оно, сердце нашего носового луча! — с благоговением произнёс конструктор, погладив кожух генератора. — Питание напрямую от турбодинамо вспомогательного контура. Двенадцать тысяч киловатт в импульсе! Без этих турбин моя пушка — просто кусок полированного кварца и бронзовые трубы. Корабль и оружие — единый термодинамический организм, Радциг! Понимаете?

Тимофей смотрел на толстые медные шины, уходившие сквозь герметичную переборку в сторону носа. Масштаб затраченной энергии подавлял. Чтобы выбросить в пространство узкий пучок тепловой смерти, корабль должен был сжигать тонны мазута, кипятить кубометры дистиллированной воды и напрягать тысячи конских сил.

— А если в момент выстрела потребуется дать полный задний ход? — спросил Тимофей, взглянув на механика. — Котлы выдержат двойную нагрузку?

Вишняк посмотрел на него с неожиданным уважением, почесал лоб непривычным движением пальцев снизу вверх и буркнул:

— С головой профессор. Не зря паёк получает. Выдержат, если кочегары не уснут и форсунки не закоксуются. Но мазута эта адская машина жрёт — как три эскадры на переходе. Пойдёмте отсюда, Алексей Григорьевич, ведите гостя в свой секретный склеп, а мне ещё третий подшипник протягивать надо.

Носовой спецотсек располагался ниже ватерлинии, непосредственно под первой орудийной башней главного калибра.

Здесь царила совершенно иная атмосфера. Никакого пара, никакой грязи. Матрос с винтовкой системы Мосина у броневой двери проверил пропуска у всех троих с въедливой дотошностью, сличая каждую букву в красных книжках.

Помещение спецотсека напоминало лабораторию алхимика, помноженную на завод точной механики. Стены были обшиты рифлёными алюминиевыми листами для снижения веса надстройки. В центре помещения, на массивной карданной тумбе, уходившей основанием в самый киль эсминца, покоилась качающаяся часть тепловой установки.

Она не походила на привычную пушку. Здесь не было длинного ствола. Перед Тимофеем возвышался массивный литой цилиндр из орудийной бронзы, увенчанный сложной системой коаксиальных медных колец. В переднем торце цилиндра, за массивной стальной диафрагмой, поблёскивала гигантская выпуклая линза из оптического кварца толщиной добрых десять сантиметров. Внутри стекла играли холодные зеленоватые блики дежурного освещения.

К телу установки подходили десятки гибких медных трубок и тяжелые, залитые гудроном кабели.

— Красавица, правда? — Кольцов подошёл к установке и с нежностью положил ладонь на бронзовый кожух. — Экспериментальный тепловой излучатель системы Кольцова-Берзина. Сердцевина — каскад искусственных монокристаллов с принудительной накачкой от дуговых разрядников высокого давления. Кварцевая оптика шлифовалась на Государственном оптико-механическом заводе вручную, три месяца работы лучших мастеров!

Тимофей подошёл ближе. Он осторожно коснулся пальцами полированного среза линзы. Кварц был ледяным, безупречно гладким и казался абсолютно прозрачным, словно застывшая глыба полярного глетчерного льда.

— Вы говорите, фокусированное излучение? — тихо спросил он. — Какова расходимость луча на дистанции в кабельтов?

— Менее полутора градусов! — с гордостью выпалил Кольцов. — На дистанции в пятьсот метров мы получаем световое пятно диаметром около сорока сантиметров. Плотность тепловой энергии такова, что котельное железо закипает за секунды. Но главное — термический удар по льду. При мгновенном нагреве поверхностного слоя вода в порах кристаллической решётки превращается в перегретый пар. Происходит микровзрыв! Торос просто рассыпается в мелкую ледяную крупу.

— А охлаждение? — Тимофей указал на медные патрубки.

— Двухконтурное. Внутренний контур — спиртоглицериновая смесь, внешний — забортная вода. Насосы прокачивают до сорока вёдер в секунду. В условиях Антарктики теплообмен будет идеальным.

Тимофей молчал, глядя сквозь кварцевое стекло внутрь сложного механизма, где тускло темнели электроды и призмы накопителей. Он думал о том, что эта сверкающая полированной медью машина создавалась человеческим разумом как триумф физики и математики. Но если повернуть штурвалы наведения и нажать педаль замыкателя, этот концентрированный свет сожжёт живую плоть точно так же, как стальной лист или полярный глетчер.

— Оружие не бывает добрым, Тимофей Михайлович, — словно угадав его мысли, негромко произнёс Кольцов. Голос инженера на мгновение потерял свою юношескую восторженность, став серьёзным и глухим. — Но без этого луча наш поход был бы чистым самоубийством. Там, куда мы идём, лёд смыкается за кормой за считанные часы. Это не просто пушка. Это наш ключ от ледяных ворот.

— Главное, чтобы ключ не сломался в замке, — ответил Тимофей, отнимая руку от холодного кварца. — Пойдёмте наверх, Алексей Григорьевич. Кажется, на палубе начинается движение.

Когда они поднялись на ют, осенний день уже клонился к ранним сумеркам. Небо над заливом окончательно потемнело, налившись тяжелой свинцовой синевой. Ветер усилился, срывая с гребней мутных волн белые хлопья пены и с силой швыряя их в борт эсминца.

На кормовой палубе, возле открытых створок массивного ангара обтекаемой формы, царило напряжённое оживление.

Здесь готовились к контрольному подъёму и проверке такелажа малого экспедиционного дирижабля. Корпус воздушного корабля — тридцатиметровая веретенообразная сигара, обтянутая серебристой перкалью, покрытой специальным аэролаком — уже наполовину выдвинулась из ангара на специальных направляющих рельсах. Внутри полужёсткого дюралюминиевого каркаса тихо шуршали газовые баллонеты, заполненные негорючим водородо-гелиевым составом.

Под брюхом дирижабля покачивалась узкая гондола из гофрированного кольчугалюминия, оснащённая двумя маленькими звездообразными моторами воздушного охлаждения и тянущими деревянными пропеллерами.

Вокруг аппарата суетилась команда такелажников под началом боцмана Балашова — широкоплечего усатого гиганта в клеёнчатом плаще-дождевике. Десятки матросов удерживали дирижабль за пеньковые гайдропы — длинные посадочные канаты, свисавшие с каркаса.

— Держи носовой! — зычно командовал боцман, потрясая медным мегафоном. — Стравливай помалу левый шкаточный! Не пускай его к трубе, черти полосатые!

Кольцов подбежал к группе заводских инженеров-воздухоплавателей, стоявших у лебёдки:

— Как давление в газовых мешках? Каркас держит форму?

— Каркас в норме, Алексей Григорьевич! — отозвался ведущий инженер в кожаном шлеме. — Но ветер с залива крутит! Вдоль борта надстройки образуется вихревой жгут. Надо бы переждать!

— Некогда ждать, — подошёл Черкасов. Лицо капитана было жёстким. — Завтра мы должны выйти на Большой рейд. Я должен знать, как ведёт себя аппарат при ветре в десять метров в секунду на швартовах. Начинайте контрольный подъём на десять метров.

— Выбирай гайдропы! Лебёдка, пошла! — скомандовал боцман.

Электрическая лебёдка на корме завыла, стальной трос натянулся, звеня от напряжения, как гитарная струна. Серебристая туша дирижабля медленно, покачиваясь, стала отрываться от направляющих тележек и подниматься над палубой.

Тимофей стоял у фальшборта, внимательно наблюдая за воздушным потоком. Он видел, как низкие серые облака стремительно несутся над мачтами эсминца. Но главное было не в облаках.

Он заметил, как потоки воздуха, срываясь с плоской крыши кормового ангара, закручивались в мощную спираль между второй дымовой трубой и спаренной зенитной установкой. Образовывалась зона глубокого разрежения — аэродинамическая труба, созданная самой геометрией корабельной надстройки.

Внезапно шквал с залива ударил в левый борт эсминца с удвоенной силой.

— Порыв! Держи гайдроп! — отчаянно крикнул кто-то из матросов.

Корму дирижабля резко подбросило вверх. Носовой трос провис, и огромный серебристый корпус, потеряв опору, затянуло в ту самую зону разрежения между трубами. Дирижабль клюнул носом и с пугающей скоростью пошёл боком прямо на острую кромку кожуха кормовой дымовой трубы!

— Снесёт обшивку! — завопил Кольцов, бросаясь вперёд.

Ещё секунда — и тонкий перкаль распороло бы о горячий металл надстройки, разрушив дюралевый силовой набор.

— Правый гайдроп — на шпиль! Застопорить лебёдку! — прогремел голос Черкасова. Капитан не кричал — его голос перекрыл свист ветра, как пушечный выстрел.

Боцман Балашов среагировал мгновенно. Словно цирковой силач, он перехватил толстый свистящий трос, обернул его вокруг чугунного кнехта и навалился всем телом. Трое матросов рухнули на трос рядом с ним, сдирая ладони в кровь через брезентовые рукавицы.

Стальной трос лебёдки взвизгнул, задымился от трения на тормозном барабане, но удержал.

Носовая часть гондолы замерла буквально в полуметре от заклёпок дымовой трубы. Дирижабль задрожал всем своим тридцатиметровым телом, парусно зашуршал обшивкой, но остался цел.

— Выравнивай! Майнай помалу! — хрипел боцман, упираясь сапогами в рифлёную сталь палубы. — Заводи в эллинг, шевели поршнями!

Матросы, тяжело дыша, навалились на канаты. Медленно, сантиметр за сантиметром, серебристую сигару подтянули обратно к направляющим рельсам и втянули внутрь спасительного чрева ангара. Массивные бронированные створки с лязгом захлопнулись.

Тимофей перевёл дух. Сердце колотилось где-то в горле.

Он подошёл к тяжело дышавшему Кольцову, который вытирал со лба холодный пот рукавом:

— Алексей Григорьевич.

— А? Что? — инженер растерянно посмотрел на него.

— Запомните этот нюанс, — тихо, но твёрдо произнёс Тимофей. — Дело не в силе ветра. При открытых воротах ангара и работающих котлах между трубой и комингсом возникает мощная аэродинамическая тяга. Ангар работает как поддувало гигантской печи, засасывая воздух снизу вверх. При подъёме в полярных широтах, где плотность холодного воздуха выше, этот эффект усилится в полтора раза. Выходить из ангара можно только при задраенных кормовых вентиляционных шахтах и курсовом угле ветра не менее тридцати градусов к левому борту.

Кольцов замер, моргнул, сдвинул очки на лоб и посмотрел на надстройку эсминца совершенно новыми глазами.

— Чёрт меня дери… — прошептал конструктор. — Тяга эжектора. Мы же сами создали конфузор надстройкой… Радциг, вы чертовски правы! Вы гений!

— Я просто географ, — сухо ответил Тимофей. — Я привык наблюдать за движением воздушных масс.

К шести часам вечера заводские рабочие стали покидать корабль.

Длинная вереница людей в серых телогрейках и пальто тянулась по сходням на набережную. Завод постепенно погружался во тьму; только на мачтах кранов горели редкие желтые огни, да в котельной глухо гудели топки, выбрасывая в низкое небо снопы тёмно-красного дыма.

На «Красном Октябре» наступила непривычная, строгая тишина. Никаких молотков, никакой ругани такелажников. Лишь мерно, с сухим щелканьем переговаривались клапаны вспомогательных механизмов, да из вентиляционных грибков машинного отделения вырывался ровный, горячий вздох турбинного отсека.

Тимофей стоял на баке, у самого фальшборта, вцепившись пальцами в холодную сталь планширя.

Дождь кончился. Ветер с залива стал чистым, резким и по-зимнему колючим. На горизонте, сквозь разрывы свинцовых туч, пробилась узкая полоса багрового закатного света — холодного, предзимнего, не дающего тепла.

Позади него возвышалась башня главного калибра — строгая, геометрически совершенная, с зачехлённым стволом орудия, нацеленным в сторону балтийских просторов. Чуть ниже,

под брезентовым укрытием, спала кольцовская тепловая пушка со своей гигантской кварцевой линзой, готовая превращать ледники в пар.

Тимофей снял очки, протёр их полой влажного реглана и снова надел.

Корабль больше не казался ему чужой грудой железа. Он ощутил его как единый, сложнейший организм, в котором переплелись огонь топок, холод кварца, точность латунных приборов и человеческая воля. Этот организм дышал, копил силы и ждал команды, чтобы сорваться со стальных швартовов.

Впереди был океан. Впереди были тысячи миль штормовой Атлантики, ревущие сороковые широты, ледяные поля и тишина шестого континента, хранившего под многокилометровым панцирем свои древние, пугающие тайны.

Тимофей плотнее запахнул воротник реглана, подставив лицо студёному ветру, и подумал:

«Я должен знать каждую заклёпку на этом борту. Каждую трубу, каждый клапан, каждую слабость этой машины. Потому что там, во льдах, ошибки не прощаются. Там будем только мы — и этот корабль».

Он повернулся и уверенным шагом пошёл по палубе к трапу, ведущему во внутренние отсеки эсминца. Экспедиция начиналась.

Глава 3

В нижних отсеках эсминца стоял полумрак, разбавленный желтоватым светом редких переносок. Сюда, в ремонтную мастерскую и отсек вспомогательных механизмов, расположенный в глубине трюма за вторым котельным отделением, звуки завода почти не проникали. Лишь глухо, через двойное дно, отдавался размеренный плеск морской воды о внешний борт.

Тимофей осторожно спустился по скользким железным ступеням. Помещение мастерской было тесным, зажатым между двумя водонепроницаемыми переборками. Вдоль левого борта тянулся длинный верстак из толстых дубовых досок, окованных листовым железом; на нём в идеальном порядке лежали разводные ключи, метчики, плашки и тяжелые чугунные тиски с намертво зажатой латунной муфтой.

В центре отсека на мощном коробчатом фундаменте покоился шестицилиндровый вспомогательный дизель-генератор завода «Русский дизель» — угловатая, покрытая чёрным матовым лаком громада, пахнущая тяжёлым топливом и нагретым металлом.

Возле распахнутого люка картера на корточках сидел старший механик Вишняк. В зубах у него дымила неизменная папироса, пепел с которой он аккуратно стряхивал в пустую консервную банку из-под дальневосточной горбуши.

— Пришли посмотреть на резервное дыхание? — не оборачиваясь, спросил механик. Его наметанный слух безошибочно отличил осторожные, неуверенные шаги Тимофея от четкой поступи строевых матросов.

— Решил изучить энергетику судна во всех деталях, — ответил Тимофей, останавливаясь у верстака и пряча руки в карманы реглана. — Если котлы погаснут, этот дизель — наш единственный источник тока?

Вишняк вынул папиросу, сплюнул темную табачную крошку и ласково похлопил чугунную головку блока ладонью, на которой въевшийся мазут образовал несмываемый рисунок в мелких трещинах кожи.

— Единственный, профессор. Шестьсот сил чистого чугунного упрямства. Он без всякой электроники запустится — баллоном со сжатым воздухом крутанул, и пошёл поршнями месить. Ты, профессор, запомни: дизель — как верная баба. Мазут жрёт, масло любит, а если застудишь — обидится. А нам обижаться некогда. В антарктических широтах, если пар упустим, он один будет греть нам каюты и крутить вентиляцию спецотсека. Без него мы через четыре часа превратимся в мороженую треску.

— А топливная магистраль не перемёрзнет? — поинтересовался Тимофей, вглядываясь в медные трубки форсунок. — При минус сорока солярка густеет до состояния солидола.

Вишняк усмехнулся в седые усы и с явным удовлетворением посмотрел на учёного:

— Голова варит, хвалю. Мы вдоль всего топливопровода проложили змеевик с глухим паром от вспомогательного котла. Пока пар есть — солярка как чай течёт. А на случай полной

аварии у нас в баках залита специальная бакинская смесь с керосиновой фракцией. Заводские химики месяц над ней колдовали. Вон, гляди, вентиль продувки. Попробуй крутануть.

Тимофей взялся за холодный латунный маховичок. Металл подался мягко, с упругим, маслянистым сопротивлением. Механизм был собран на совесть, без зазоров и люфтов.

— Надёжная штука, — констатировал Тимофей.

— На том стоим, — кивнул стармех, снова берясь за накидной ключ. — Ладно, иди, Радциг, не мешай клапана притирать. Тебе ещё по трапам скакать, пока ноги целы. Каску только не вздумай снимать, голова у академика — инструмент государственный, а железо у нас тут глупое, оно званий не разбирает.

Предостережение механика оказалось пророческим буквально через пять минут.

Выбравшись из машинного коридора во внутренний переход полубака, Тимофей попытался быстро преодолеть комингс водонепроницаемой двери. В этот момент корабль слегка качнуло на прибойной волне от прошедшего по акватории завода портового буксира. Тимофей качнулся, машинально сделал шаг вперёд, не рассчитал высоты проёма и со всего маху врезался теменем в массивный стальной бимс подволока.

БАМ-М!

Звук получился такой, словно по пустому артиллерийскому снаряду ударили кувалдой.

Тимофей присел от неожиданности, очки съехали на кончик носа. Голову спасла выданная на вахте фибровая шахтёрская каска — окрашенная в защитный цвет, толстая и нелепая. Удар пришёлся прямо в ребро жёсткости. Каска жалобно хрустнула, но выдержала; искры из глаз Тимофея посыпались вполне натуральные, однако череп остался цел.

— Аккуратнее, товарищ начальник! — весело бросил пробегавший мимо матрос с мотком асбестового шнура на плече. Он проскочил низкий люк с грацией циркового гимнаста, согнувшись точно в поясе и даже не коснувшись косяка. — Тут у нас норма три удара в сутки на человека, вы свою норму уже выполнили!

Тимофей выпрямился, поправил очки и осторожно пощупал каску. На куполе осталась глубокая белёсая царапина от неокрашенного железного угла.

«В кабинете географии на Васильевском потолки были четыре с половиной метра, — с лёгкой самоиронией подумал он, осторожно шагая по узкому настилу. — Там главной опасностью было уронить на ногу фолиант Элизе Реклю. Здесь же геометрия пространства рассчитана на людей ростом метр шестьдесят, способных складываться пополам в трёх плоскостях».

Корабль изнутри представлял собой настоящий лабиринт, где каждый кубический дециметр объема был отвоёван у пустоты. Вдоль переборок змеились толстые жгуты кабелей в свинцовой оплётке, перехваченные через каждые двадцать сантиметров медными скобами; над головой гудели вентиляционные трубы квадратного сечения; под съёмными железными плитами палубы что-то безостановочно булькало, свистело и переливалось под давлением в десятки атмосфер.

Тимофей шёл вперёд, придерживаясь за холодные поручни, стараясь запомнить расположение водонепроницаемых переборок и эвакуационных люков, выкрашенных сигнальной белой краской.

Отсек научной группы располагался в носовой надстройке, по правому борту, сразу за штурманской рубкой. Это было относительно тихое место, куда почти не долетал жар котельных.

Толкнув незапертую дверь с медной табличкой «ГИДРОГРАФИЧЕСКИЙ ПОСТ №2», Тимофей замер на пороге.

В нос ударил резкий, знакомый с университетских времён запах: кислый дух уксусной кислоты, едкая щелочная нота гидрохинона и сладковатый аромат закрепителя — тиосульфата натрия. Научная лаборатория была разделена надвое тяжёлой портьерой из непроницаемого чёрного сукна. Из-за портьеры пробивался тревожный, густой рубиновый свет.

Тимофей отодвинул край занавеси.

В крошечном закутке, едва вмещавшем узкий столик и три эмалированные кюветы, хозяйничала Вера Соболева. Её пальто висело на крючке у входа, а сама она была в простом синем рабочем халате с засученными по локоть рукавами. На носу девушки темнело пятнышко графита, каштановые волосы были небрежно заколоты на затылке деревянной шпилькой.

В красном полумраке её лицо казалось выточенным из тёмного коралла. Она осторожно, кончиками бамбуковых щипцов, покачивала в ванночке стеклянную фотобумагу размером девять на пятнадцать сантиметров. На белой эмульсии медленно, словно из тумана, проступали резкие контуры эсминца у заводской стенки, силуэты портальных кранов и крошечная фигурка человека в длинном реглане на баке.

— Не засветите, Тимофей Михайлович, — не оборачиваясь, спокойно произнесла Вера. — Закройте плотнее штору. Свет от трапа режет эмульсию.

Тимофей шагнул внутрь и аккуратно задёрнул сукно:

— Как вы узнали, что это я?

— У вас ботинки скрипят. На левом подмётка отходит на полмиллиметра, получается такой характерный звук: шлеп-скрип. На заводе так никто не ходит, у них подковки стальные.

Она поднесла пленку к красному фонарю, вглядываясь в детали негатива.

— Хорошая резкость. Оптика у «ФЭДа» великолепная, харьковская сборка. А вот мой основной инструмент — «Фотокор №1», — Вера похлопала по массивному кожаному футляру. — Первая советская массовая модель, ленинградская сборка, 1930 года. Складной, с двойным растяжением меха. Лучший друг репортёра. Правда, пока капризничает: на морозе меха дубеют. Придётся смазку менять на часовую, костяную. *Зато плёнка Ilford HP 400 iso доставлена по спецзаказу — на ней можно снимать даже в сумерках.*

— Вы здесь надолго обосновались? — спросил Тимофей, оглядывая тесный угол. На полках аккуратно стояли склянки из тёмного стекла с притёртыми пробками: проявитель, стопванна, фиксаж, дистиллированная вода.

— На весь поход, — Вера опустила пластинку в кювету с фиксажем и повернулась к нему, вытирая мокрые пальцы вафельным полотенцем. — Газетам нужны не только ваши отчеты о широтах и глубинах, Тимофей Михайлович. Страна должна видеть лица людей, которые идут в ледовый ад. Если мы замёрзнем там, на шестидесятой параллели, после нас должны остаться не просто цифры в журналах, а живые глаза. Чтобы те, кто придёт следом, знали, как всё начиналось.

В её голосе не было пафоса — только спокойная, почти упрямая уверенность человека, привыкшего смотреть на мир через узкую рамку видоискателя.

— Цифры надежнее, Вера Григорьевна, — тихо заметил Тимофей. — Ледники не знают человеческих лиц. Они просто движутся со скоростью два сантиметра в сутки, перемалывая гранит в пыль.

— Зато люди знают, зачем они идут к этим ледникам, — парировала она, глядя ему прямо в глаза. В темноте её зрачки казались огромными. — Вот вы, например. Зачем вы здесь? Ради прибавки к академическому пайку?

— Ради того, чтобы на карте не осталось белых пятен, — отрезал Тимофей, чувствуя, как внутри шевельнулось привычное глухое раздражение против журналистского любопытства. — Белое пятно на карте — это оскорбление для разума.

Вера чуть заметно улыбнулась уголком рта:

— Хороший ответ. Сухой, но честный. Помогите-ка лучше приладить вот эту полку под кассеты, а то у меня гвоздь в переборку не лезет. Тут сталь, кажется, крупповская, не меньше трёх миллиметров.

Выйдя из лаборатории, Тимофей направился в сторону носового артиллерийского погреба. Чем дальше он удалялся от офицерских кают, тем отчетливее бросалась в глаза незавершённость корабля.

Парадный облик эсминца, так впечатлявший с набережной, здесь распадался на сотни мелких, кричащих недоделок. В проходах валялись обрезки асбестовой изоляции, неокрашенные швы сварки ощетинились острым металлическим гратом, а временное освещение то и дело мигало, реагируя на перегрузку в заводской сети. Корабль напоминал живой организм, которому прямо на ходу, без наркоза, пришивали новые органы.

У развилки второго котельного коридора стояла группа рабочих в синих комбинезонах и двое заводских инженеров с синьками чертежей в руках. Между ними шёл яростный, приглушённый спор.

— Да как же её не туда приварили?! — хрипел пожилой мастер с седой щетиной на впалых щеках, тыча пальцем в массивную стальную трубу водяного охлаждения, изогнутую под неестественным углом. — По проекту она на пятнадцать сантиметров левее должна идти, по

шпангоуту номер сорок два! Вы куда смотрели, черти полосатые? Теперь придётся резать автогеном, выгибать по новой, переваривать стыки! А давление тут шесть атмосфер перегретого пара! Если шов лопнет в шторм — кочегаров живьём сварит!

— Да ладно тебе, Михалыч, шуметь, — лениво отмахнулся молодой сварщик в брезентовой куртке, опираясь на горелку. — Ну ошиблись в ночную смену, темно же было как в бочке. Переварим за два часа. Металл свежий, пластичный, шов положим с двойным проваром — сам чёрт не разорвёт.

Рядом, у поперечной переборки, двое плотников подгоняли деревянную обшивку подсобного помещения.

— Мы эту переборку вообще на глазок выставляли, — негромко рассказывал один другому, сбивая стамеской лишний угол бруса. — С чертежом не сходилось на полметра. Ну, сдвинули в сторону носа. Теперь там кладовая будет для сухих пайков — как раз трубы охлаждения рядом проходят, стенка всегда ледяная, какая-никакая экономия на холодильнике получится. Главное — комиссару не болтать, а то заставит переделывать по ГОСТу, до весны у стенки простоим.

Тимофей стоял в тени вентиляционного раструба и слушал эти разговоры с нарастающим изумлением.

В академических институтах чертёж был законом. Погрешность в миллиметр при построении триангуляционной сети считалась браком и каралась переделкой всего полевого сезона. Здесь же люди с легкостью двигали стальные переборки на полметра, переваривали магистрали высокого давления за перекур и превращали конструкторские ошибки в полезные кладовые. Это было дико, неправильно с точки зрения чистой теории — и в то же время поразительно жизнеспособно. Железо подчинялось не идеальным линиям туши, а грубой, неотложной силе человеческих рук.

Чуть дальше по коридору, у броневой выгородки носового погреба главного калибра, Кольцов спорил с главным технологом корпусного цеха. Инженер выглядел осунувшимся, глаза его за стеклами очков лихорадочно блестели.

— Алексей Григорьевич, вы поймите, — убеждал технолог, постукивая карандашом по стальному листу палубы. — Одно дело — стрельба из стотридцатки. Там отдача идёт по оси ствола, гасится гидравлическим компрессором и распределяется на кольцевой броневой барбет. Корпус рассчитан на такой импульс. Но ваша тепловая установка — это принципиально иной тип нагрузки!

— Я рассчитал динамику! — горячился Кольцов, размахивая блокнотом. — Там нет механической отдачи как таковой!

— Механической нет, зато есть термический удар колоссальной мощности! В момент разряда излучателя температура в зоне диафрагмы подскакивает до полутора тысяч градусов за сотые доли секунды. Возникает локальное расширение броневых плит подволока. А если в этот момент корпус будет испытывать скручивающий момент на океанской волне? Заклёпки по третьему стрингеру просто срежет! Их срежет, как стеклянные палочки!

Тимофей подошёл ближе. Разговор затрагивал саму суть безопасности корабля.

— Испытания на полигоне проводились на неподвижном стенде? — тихо спросил он, вклиниваясь в беседу.

Оба инженера замолчали и повернулись к нему. Кольцов нервно дернул щекой:

— На стенде. Тридцать четыре выстрела по броневым плитам и ледяным монолитам. Никаких деформаций фундамента не зафиксировано.

— Стенд был забетонирован в скальный грунт острова Мощный, — мрачно добавил технолог. — А здесь у нас тонкая стальная скорлупа толщиной в двенадцать миллиметров, несущаяся по волнам со скоростью сорок узлов. Корабль — это упругая балка, Радциг. Он дышит на волне, прогибается до десяти сантиметров по длине корпуса. Как поведут себя кварцевые линзы при такой вибрации — одному богу известно.

— Бога нет, а физика есть, — отрезал Кольцов, но в голосе его прозвучала едва заметная неуверенность. — Мы усилили продольные связи дубовыми подушками. Выдержит. Должна выдержать.

Тимофей ничего не сказал. Он лишь посмотрел на клепаный шов над головой. Мир за пределами заводского бассейна обещал быть куда более суровым судьёй, чем заводская приёмная комиссия.

К восьми часам вечера поднялся в ходовую рубку.

Здесь царил строгий, почти стерильный порядок, резко контрастировавший с хаосом нижних палуб. Вахтенные матросы начищали мелом латунные оправы иллюминаторов, штурман расправлял на широком столе генеральные карты Балтийского моря.

Черкасов стоял у правого пеленгатора, вглядываясь в серую гладь залива.

— Товарищ капитан, — обратился Тимофей, подходя к столу. — Я осмотрел гидрографический пост. Приборы навигационной части установлены грамотно, но для комплексных геофизических наблюдений нам не хватает аппаратуры.

Капитан повернул голову, шрам над его бровью чуть дернулся:

— Чего именно нет, профессор? Времени на дозаказ у нас — до завтрашнего вечера.

— Данные с глубоководных эхолотов и термографов должны поступать непосредственно на самописец рядом с моим рабочим столом, — Тимофей развернул свой черновик. — Мы идём в зону аномальных гидрологических явлений. Если рулевой будет записывать температуру забортной воды вручную раз в полчаса, мы пропустим границу тёплых подлёдных течений. Мне нужны два автоматических моста сопротивления с непрерывной ленточной записью и спаренный магнитометр на кормовом флагштоке, чтобы исключить наводки от корабельного железа.

Черкасов взял листок, пробежал глазами убористый почерк Радцига и коротко кивнул штурману:

— Свяжитесь с гидрографическим управлением флота в Кронштадте. Пусть снимут с учебного судна «Океан» два регистратора системы Ришара и доставят на борт до двадцати ноль-ноль завтра.

Затем капитан снова посмотрел на Тимофея:

— Приборы мы вам дадим, Радциг. Но помните: главный самописец на этом корабле — ваша собственная голова. Если навигационные системы откажут во льдах, вести эсминец придётся по вашим расчётам и береговым ориентирам. Спускайтесь в первый кубрик, через десять минут общее собрание офицеров и научной группы. Будем сводить концы с концами.

Первый кубрик носовой команды встретил Тимофея запахом свежего ржаного хлеба, ядрёного махорочного дыма и чистой парусины.

Помещение было рассчитано на сорок человек. Трёхъярусные трубчатые койки с парусиновыми днищами были аккуратно заправлены суконными синими одеялами с вытканными белыми якорями. Вдоль прохода стояли деревянные рундуки для личных вещей, начищенные гуталином до тусклого блеска.

Но главной достопримечательностью кубрика была его кормовая переборка.

В отличие от остальных стальных стен, она была наглухо зашита тщательно оструганными досками из сосны и карельской берёзы. Это был прощальный подарок балтийских судостроителей экипажу. На светлом дереве перочинными ножами, штихелями и выжигателями были нанесены десятки надписей, дат и рисунков.

Тимофей подошёл ближе, разглядывая эту своеобразную летопись заводского труда:

«Семь футов под килем нашему первенцу! Бригада клепальщиков цеха №3. 12 мая 1931 г.» «Даёшь полярный рекорд! Не посрамите Балтику, братишки!» «Бей торосы, круши ледники! Токарный участок комсомольца Григорьева». «В.М. + К.С. = Любовь. Жду из похода. Ленинград».

Возле стены стоял боцман Балашов, бережно проводя широкой, как лопата, ладонью по гладкому дереву.

— Хорошая работа, — негромко сказал боцман, заметив Тимофея. — Дерево — оно живое, профессор. Железо в море стынет, звенит от тоски, а к сосне прислонишься ухом во время шторма — и будто в родном сосновом бору под Лугой стоишь. Домой тянет. А моряку без памяти о доме в полярных морях крышка. Свихнуться можно от белизны.

Матросы, сидевшие на рундуках, уважительно закивали. Тимофей посмотрел на корявые буквы, вырезанные чьей-то уверенной рабочей рукой, и внезапно почувствовал, как невидимая нить связала этот серый, промозглый ленинградский завод с далёкими, ещё не пройденными штормовыми широтами. Корабль строили не безликие механизмы. Его создавали люди,

вложившие в эту сталь свои надежды, свой пот и свою простую веру в то, что их труд не пропадёт даром.

В кают-компании собрались все: офицеры во главе с Черкасовым, Кольцов, стармех Вишняк, судовой врач Фокин, геолог Соколов, картограф Ольшевский и метеоролог Шишкин.

Черкасов развернул на столе большую циркумполярную карту Антарктики. Белое пятно материка занимало почти всё пространство листа, окружённое синими глубинами трёх океанов.

— Товарищи, — голос капитана звучал глухо, но отчётливо. — Наш переход разбит на три этапа. Первый — Балтика, проливы Зунд и Скагеррак, выход в Северное море. Второй — Атлантический транзит с бункеровкой углём и мазутом в нейтральных портах либо с судна снабжения в районе островов Тристан-да-Кунья. Третий — форсирование зоны айсбергов и выход к ледовому барьеру в секторе Земли Королевы Мод. Вопросы по маршруту?

— Что со снаряжением для береговой партии? — подал голос геолог Соколов, поправляя роговые очки. — Сколько комплектов тёплой одежды заложено в табель?

— Шестьдесят комплектов арктического образца, — ответил Суворов. — Овчинные полушубки, собачьи дохи, валенки с кожаной обшивкой, ветрозащитные брезентовые костюмы, меховые рукавицы и темные защитные очки с сетчатыми шторками.

— А ездовые собаки? — спросил картограф Ольшевский. — На случай пешей разведки вглубь шельфа нам необходимы две упряжки. В Архангельске можно запросить два десятка печорских лаек.

— Никаких собак, — покачал головой Черкасов. — На переходе через тропики животные передохнут от жары на раскалённой стальной палубе. К тому же у нас нет запаса пресной воды для псарни.

— И это абсолютно правильное решение, — вмешался Тимофей. Все взгляды обратились к нему. — В двадцать восьмом году на полярной станции «Звезда-7» мы держали упряжку. Я слишком увлекся промерами подвижки фирна на выносном леднике. Буран налетел за двадцать минут — видимость ноль, температура упала до минус тридцати восьми при штормовом ветре. Я замерз уже через десять минут, руки не слушались, компас выронил в снег.

Тимофей помолчал, вспоминая тот ледяной ужас, выжимавший слезы из глаз.

— Собаки сами нашли дорогу к зимовке. Они шли по чутью, буквально пробивая телами снежную стену, и приволокли меня к порогу станции в полубессознательном состоянии. Это благородные животные, но на боевом быстроходном корабле в условиях автономного плавания они станут обузой. Наша разведка должна опираться на технику: гидросамолёт для дальних радиусов, дирижабль для тактической съёмки и шаровой танк для форсирования торосов. Машина не просит пресной воды и не болеет чумкой.

Офицеры согласно закивали. Черкасов одобрительно посмотрел на Радцига.

В этот момент дверь кают-компании с грохотом распахнулась, ударившись о резиновый буфер переборки.

На пороге стояла Вера Соболева. На груди её на кожаном ремешке висел тяжелый металлический корпус «ФЭДа», а в руках она держала деревянную кассету с магниевой вспышкой.

— Внимание, товарищи офицеры и учёные! — звонко объявила она, мгновенно вскидывая объектив к глазам. — Исторический момент: штаб антарктического похода утверждает генеральный план прорыва! Не двигаться!

ЩЁЛК!

Затвор фотоаппарата сухо щелкнул, отсекая долю секунды времени.

Черкасов побагровел, шрам на его лице налился угрожающей синевой. Капитан медленно поднялся из-за стола, упираясь в него кулаками:

— Гражданка Соболева! Вы находитесь на военном корабле, на закрытом оперативном совещании командного состава! Здесь действуют законы флотской дисциплины, а не правила редакции иллюстрированного журнала! Немедленно уберите аппаратуру и покиньте кают-компанию!

Вера даже не опустила камеру. Её серые глаза смотрели на разъярённого командира с поразительным, почти вызывающим спокойствием:

— Товарищ капитан первого ранга, я выполняю прямое распоряжение Наркомата просвещения и Главсевморпути. Моя задача — зафиксировать каждый этап экспедиции, начиная с рабочих совещаний. Если вы прикажете выбросить меня за борт — пожалуйста. Но тогда отчет о вашем походе в «Правде» выйдет без единой иллюстрации, с пустыми серыми полосами. Страна должна знать своих героев в лицо, даже если эти герои недовольны фотокорреспондентом.

В кают-компании повисла мёртвая тишина. Суворов спрятал улыбку в ладонь, Кольцов с восторгом воззрился на бесстрашную журналистку, а стармех Вишняк тихо хмыкнул себе в усы.

Черкасов шумно выдохнул через ноздри, готовый отдать приказ вахтенному.

Тимофей мягко поднял руку, нарушая напряжение:

— Леонид Ильич, позвольте слово. Вера Григорьевна абсолютно права с точки зрения научной и исторической методологии. Все материалы фотофиксации поступают в спецхран Академии наук и Главного штаба. Мы не имеем права пренебрегать визуальной документацией. Карты, лица, обстановка на борту — всё это через пятьдесят лет станет бесценным архивным фондом. Пусть снимает. Только без магния, чтобы не слепить штурманов.

Черкасов перевел тяжелый взгляд с Тимофея на Веру, помолчал несколько секунд, желваки на его скулах медленно разгладились.

— Чёрт с вами, — буркнул капитан, опускаясь на свое место. — Снимайте со штатива и без вспышек. Но если хоть один снимок попадет в гражданскую печать до нашего возвращения

— пойдете под трибунал вместе со своими фотопластинками. Садитесь в угол, Соболева, и не отсвечивайте. Продолжаем, товарищи.

Вера тихо скользнула к свободному стулу у переборки. Проходя мимо Тимофея, она на долю секунды задержала на нём взгляд и едва заметно, одними уголками губ, улыбнулась ему:

— Спасибо, защитник академических свобод.

Тимофей лишь сдержанно кивнул в ответ, чувствуя странное, тёплое покалывание где-то под сердцем.

Совещание закончилось, когда за круглыми иллюминаторами кают-компании окончательно сгустились синие балтийские сумерки.

Тимофей поднялся по узкому трапу на верхнюю палубу.

Холодный, напоенный солью и свежестью ветер с Финского залива мгновенно ударил в лицо, выдувая из легких тяжелый запах каютного табака, машинного масла и реактивов.

Тимофей снял свою помятую каску, провел ладонью по волосам и жадно, полной грудью вдохнул студёный осенний воздух.

Завод позади эсминца медленно затихал. Огни на портальных кранах казались далекими, размытыми каплями желтого воска на мокром стекле. Где-то в глубине механических цехов еще глухо ухал пресс, выбивая снопы багровых искр, но ритм работы уже замедлялся, уступая место ночной тишине.

Впереди, за низким силуэтом форштевня, лежала серая, бескрайняя вода залива, плавно переходящая в свинцовое вечернее небо.

Корабль тихо подрагивал всем своим длинным стальным телом. Где-то глубоко внизу, под бронированной палубой, мерно дышали вспомогательные котлы, грелся кольцовский дизель, текли по трубам токи и пар, соединяя сотни механизмов, людей и замыслов в единую грозную силу.

Тимофей опёрся руками о холодный планширь фальшборта. Он знал: старая, привычная жизнь с пыльными библиотечными полками, чернильными гранками и тихими лекциями на Васильевском острове осталась там, за заводским забором. Обратного пути не было.

Он поправил очки, вгляделся в надвигающуюся тьму залива и тихо, самому себе, сказал:

— Хорошо. Мы готовы.

На мачте эсминца с сухим щелчком зажёгся одинокий топовый огонь, осветив трепещущий на ветру красный флаг.

Глава 4

Голос прозвучал негромко, но так близко, что Тимофей вздрогнул. Он резко обернулся, едва не задев плечом выступающий фланец вентиляционной трубы.

У среза надстройки, прислонившись спиной к стальной переборке, стояла Вера Соболева. В полутьме палубы её силуэт казался тонким и ломким. Фотоаппарат она уже убрала в кожаный кофр, висевший через плечо, а руки прятала в глубокие карманы просторного демисезонного пальто с широким хлястиком. Ветер трепал выбившиеся из-под вязаного берета тёмные пряди.

Тимофей почувствовал, как к щекам прилила неловкая, глупая теплота. Говорить вслух самому себе на пустынном баке боевого корабля — привычка кабинетная, дурная и совершенно непростительная для руководителя научной экспедиции.

Он торопливо поправил очки на переносице, кашлянул в кулак и попытался придать голосу максимально нейтральную, деловую интонацию:

— Я… собственно, имел в виду готовность судна. К переходу. Турбины прогреты, приборы на постах смонтированы, документация выверена. Словом, к отплытию.

Вера чуть наклонила голову набок. На её губах мелькнула едва заметная, ироничная улыбка, но в глазах не было насмешки — скорее спокойное, пытливое любопытство хроникера, поймавшего человека в минуту редкой искренности.

— А вы сами, Тимофей Михайлович? К отплытию вы тоже готовы?

— Я географ, Вера Григорьевна. Моя готовность измеряется наличием сухих планшетов, исправных хронометров и запасом фильтровальной бумаги для проб. Всё остальное — производные от графика движения.

— Как у вас всё гладко укладывается в формуляры, — негромко отозвалась она, отлипая от переборки и подходя к фальшборту рядом с ним. — А мне вот кажется, что к тому, куда мы идём, нельзя подготовиться по циркулярам Главсевморпути. Там же пустота. Ни ориентиров, ни газет, ни телефонных проводов. Только компас и ледяная стена.

— Именно за этим туда и ездят, — сухо ответил Тимофей, глядя на тёмную воду залива. — Чтобы на месте пустоты появились координаты. Пойдёмте к трапу. Заводские уже расходятся, вахтенные скоро перекроют верхний сходной тамбур.

У причальной стенки, прямо под тусклым фонарём портального крана, стояла новенькая легковая машина заводского управления — угловатый фаэтон с брезентовым верхом, блестевший накрапывающим дождём.

Возле распахнутой дверцы переминался с ноги на ногу инженер Кольцов. Он уже успел сменить рабочую парусиновую куртку на щегольское кожаное регланное пальто шофёрского кроя и тёмно-зелёную кепку с широким козырьком. Увидев спускающихся по деревянным сходням Тимофея и Веру, он замахал руками с мальчишеской экспрессией:

— Вера Григорьевна! Тимофей Михайлович! Какая удача! Директор выделил машину до площади Труда. Прыгайте, я вас с ветерком домчу! Заодно по дороге расскажу, как мы модифицировали кривошипный механизм на шаровом танке — там такая кинематика получилась, пальчики оближешь!

Кольцов распахнул дверцу перед Верой с преувеличенной галантностью, сияя глазами сквозь круглые очки. В его движениях сквозило то чистое, простодушное желание покрасоваться перед симпатичной женщиной, которое бывает только у людей, сутками не вылезающих из чертёжных бюро.

Вера вопросительно посмотрела на Тимофея:

— Вы с нами?

Тимофей вежливо тронул козырёк своей каски, которую всё ещё держал под мышкой:

— Благодарю, Алексей Григорьевич. Но мне нужно на Васильевский, а от площади Труда трамваи идут вкруговую. Я лучше дойду до кольца пешком. В трамвае, знаете ли, мысли лучше укладываются по полочкам — ритм движения способствует систематизации данных.

Кольцов слегка нахмурился, в его взгляде на мгновение промелькнула лёгкая досада конструктора, чьё блестящее предложение отвергли ради устаревшего вида транспорта:

— Ну, как знаете, профессор. Трамвай — это девятнадцатый век, тихоходность и теснота. А за автомобилем — темп пятилетки!

— Темп пятилетки прекрасен, когда не нужно пересчитывать таблицы батиметрии в уме, — невозмутимо парировал Тимофей.

Вера тихо усмехнулась, подобрала полы своего пальто и легко скользнула на заднее сиденье фаэтона.

— До завтра, Тимофей Михайлович. Не забудьте купить запасных перьев для самописца.

— Обязательно, — кивнул он.

Машина с натужным ворчанием стартера завелась, выбросила из выхлопной трубы клуб сизого бензинового дыма и, взрывая колёсами чёрную заводскую грязь, покатила к главным воротам. Тимофей постоял несколько секунд, глядя вслед удаляющимся красным габаритным огням, поправил шарф и зашагал в сторону проходной.

Вечерний Ленинград встречал его сырым ветром и перезвоном трамваев на проспекте Юного Пролетария.

Тимофей сел на деревянную лавку в полупустом вагоне маршрута номер двенадцать. Стекло было покрыто сеткой мелких дождевых капель, сквозь которые огни уличных фонарей расплывались длинными жёлтыми полосами. Вагон мерно покачивался на стрелках, стучали колёсные пары, пахло мокрым сукном, карболкой и остывающим железом.

Тимофей прислонился виском к холодному оконному переплёту. Мысли его текли медленно, тяжело, цепляясь одна за другую.

Экспедиция. Шесть месяцев автономного плавания. Он перебирал в памяти перечень научного имущества: термоглубокомеры системы Негретти и Замбра — четыре штуки, батометры Нансена с опрокидывающимися термометрами — шесть штук, реактивы для гидрохимического анализа растворенного кислорода по Винклеру… Всё ли упаковано в деревянные ящики с сухими опилками? Не забудет ли лаборант из Академии передать запасные ртутные резервуары?

В полярную ночь, при температуре за минус тридцать, любая мелочь, оставленная на невском берегу, могла обернуться сорванным исследовательским сезоном. А ещё ему нужны были надёжные часы. В высоких широтах, где магнитные бури сбивали показания стрелочных компасов, точное время оставалось единственной нитью, связывающей штурмана с астрономическими координатами. Корабельный хронометр в штурманской — это основа, но у научного руководителя должен быть собственный, неубиваемый наручный прибор.

Тимофей вышел на остановке у Гостиного двора.

Магазин Государственного треста точной механики встретил его сухим, мерным стрёкотом сотен тикающих механизмов. В витринах под толстым полированным стеклом ровными рядами лежали массивные карманные часы на цепочках, настенные регуляторы в дубовых корпусах и строгие наручные хронометры Первого государственного часового завода.

Пожилая продавщица в строгом чёрном фартуке поверх шерстяной кофты поверхностным взглядом оценила промокший реглан Тимофея и его старомодные очки.

— Гражданин интересуется будильниками? Есть тульские, громкого боя.

— Мне нужны наручные часы повышенной прочности, — Тимофей подошёл к прилавку. — Пылезащищённые, с надёжным анкерным спуском и люминесцентным циферблатом. Для работы в условиях низких температур.

Женщина с лёгким удивлением приподняла брови, выдвинула из-под прилавка бархатный планшет и достала массивный круглый хронометр в никелированном корпусе с толстым выпуклым стеклом.

— Вот, из новой партии. «Точмех» по спецзаказу для Наркомвода. Механизм на пятнадцати рубиновых камнях, баланс с компенсационными винтами. Циферблат матово-чёрный, стрелки и часовые деления покрыты постоянным светящимся составом на основе солей радия. В темноте горят как маяки.

Тимофей взял часы в руку. Они были тяжёлыми, плотными, с тугим рифлёным заводным колёсиком. Он поднёс корпус к уху: внутри быстро, сухо и уверенно билось маленькое металлическое сердце — тик-так-тик-так.

— Беру, — сказал Тимофей, доставая из жилетного кармана смятые червонцы.

Продавщица аккуратно завернула картонную коробочку с часами в плотную серую бумагу и перевязала бечевой.

«В Антарктиде полгода не будет солнца, — подумал Тимофей, пряча покупку во внутренний карман. — Только эти зелёные светящиеся чёрточки на чёрном круге будут напоминать, что где-то существует полдень и полночь».

Его комната в коммунальной квартире на Пятой линии Васильевского острова пахла книжной пылью, сушёной мятой и керосином.

Здесь всё оставалось нетронутым с тех пор, как двенадцать лет назад не стало родителей: высокий дубовый секретер с резьбой в виде виноградных листьев, узкая железная кровать с никелированными шариками на спинке, этажерка, забитая отчётами Императорского Русского географического общества, и старый зелёный абажур над круглым столом.

Тимофей зажёг настольную лампу, сбросил мокрый реглан и открыл платяной шкаф.

На нижней полке лежали вещи, присланные ещё прошлой зимой троюродной тёткой из-под Вологды. Это были три тяжёлых, пахнущих овчиной и печным дымом свитера из грубой нечёсаной шерсти — колючие, толстые, связанные на пяти деревянных спицах. Они не отличались изяществом, но Тимофей знал: на ветру при минус двадцати пяти деревенская грубая шерсть греет лучше любого фабричного трикотажа.

Перебирая свёртки, на самом дне сундука он наткнулся на нечто совершенно неожиданное.

Это был свитер из чистой белой ангорки — удивительно мягкий, невесомый, пушистый, как весеннее облако. Его подарила ему два года назад одна студентка с гидрологического факультета после успешной защиты дипломной работы по карстовым озёрам. Тимофей тогда страшно смутился, поблагодарил сухим профессорским тоном и наглухо спрятал подарок в шкаф, ни разу не надев: вещь казалась слишком буржуазной, нелепой и совершенно не подходящей для сурового советского учёного.

Тимофей провёл ладонью по нежному пуху. Свитер хранил слабый запах лаванды, которой пересыпали вещи от моли.

Он постоял минуту в нерешительности, поправил очки, а затем аккуратно свернул белый свитер и уложил его на самое дно брезентового вещевого мешка, поверх запасных тёплых портянок.

«Мало ли, — подумал он с лёгким оправданием перед собственной совестью. — Под овчинный полушубок на вахте… Всё-таки натуральный кроличий волос держит тепло лучше шерсти мериноса».

Собрав вещи, Тимофей решил съездить на Сенную площадь: там, в книжной лавке писательской артели, ему обещали отложить свежий немецкий атлас Южного океана под редакцией доктора Неймайера.

Он снова вышел на промозглую улицу и сел в трамвай, шедший через мост Лейтенанта Шмидта.

Напротив него у окна сидел мужчина средних лет в тёмно-сером суконном пальто и фетровой кепке, надвинутой на самые брови. Человек держал в руках портфель из плотного дерматина и безучастно смотрел в запотевшее стекло.

Внимание Тимофея привлекла ткань его пальто.

На первый взгляд это было самое обычное советское пальто швейной фабрики имени Володарского. Но Тимофей, обладавший профессиональной цепкостью взгляда картографа, сразу заметил странность. Переплетение нитей в сукне образовывало едва различимый, сложный диагональный рубчик с характерным шелковистым отливом — так называемый саксонский твил, который производили исключительно на фабриках в окрестностях Лейпцига. Кроме того, пуговицы на пальто были пришиты не крест-накрест, как это делали в ленинградских артелях, а параллельными стежками через две дырочки — чисто немецкий манер глухой посадки.

«Надо же, какой франт, — машинально подумал Тимофей, разглядывая соседа из-под очков. — Видимо, из специалистов торгпредства или старый запас с петроградских времён сберёг».

Рабочий (или человек, одетый рабочим) словно почувствовал чужой взгляд. Он медленно повернул голову. Глаза у него были водянисто-серые, цепкие, совершенно лишённые выражения. Он мазнул взглядом по круглой оправе Тимофея, по его картонной папке под мышкой, затем спокойно отвернулся и стал смотреть на Неву.

На следующей остановке у Театральной площади мужчина поднялся и сошёл в сырую мглу, растворившись среди прохожих. Тимофей тут же выкинул его из головы: мысли снова вернулись к атласу Неймайера и поправкам на дрейф ледовых полей.

Сенная площадь бурлила вечерней, полузаконной жизнью.

Несмотря на холодную морось, здесь вовсю торговали с рук: из деревянных лотков продавали горячие пирожки с ливером, пахнущие пережаренным нутряным салом, какие-то кустари предлагали самодельные зажигалки из винтовочных гильз, цыганка в мокрой шали выкрикивала предсказания судьбы.

Едва Тимофей ступил на булыжную мостовую у входа в переулок Гривцова, как сзади на его плечо опустилась тяжелая ладонь, и чей-то хриплый, радостный голос гаркнул прямо в ухо:

— Радциг! Ей-богу, Радциг! Живая академическая мумия на Сенном торжище!

Тимофей обернулся и невольно улыбнулся.

Перед ним стоял Владимир Делякин — его старый университетский товарищ, а ныне поэт так называемой «левой пролетарской группы», человек феноменальной безалаберности и неиссякаемого энтузиазма. Делякин был без шапки, его рыжеватые вихры торчали во все стороны, длинный драповый шарф волочился концом по грязному булыжнику, а из кармана расстёгнутого демисезонного пальто угрожающе торчала пухлая тетрадь в клеёнчатом переплёте.

— Здравствуй, Вовка, — Тимофей пожал его холодную, перепачканную чернилами руку. — Ты чего без шапки в такую сырость? Менингит заработаешь.

— К чёрту менингит! — взревел Делякин, хватая Тимофея за рукав реглана. — У нас вечер поэтической декларации в подвале на Садовой! Читаем стихи о мировой революции и синтезе индустриального металла с человеческой плотью! Поэты Урала против петроградских эпигонов! Ты идёшь со мной, Радциг, возражения не принимаются комиссией по разоружению!

— Вовка, побойся бога, — попытался отбиться Тимофей. — У меня атлас в лавке, сборы, мне через сорок восемь часов в море выходить!

— В море? Какое море? Балтика никуда не уплывёт, а поэзия рождается здесь и сейчас! Идём, я прочту свою новую поэму «Броненосный прибой», ты как географ обязан оценить ритмику океанического вала!

Не слушая слабых протестов Тимофея, Делякин поволок его сквозь толпу в полутёмный арочный проезд одного из доходных домов.

Поэтический вечер проходил в сыром полуподвале бывшей красильной мастерской.

Воздух здесь был сизым от папиросного дыма «Бокса» и «Примы», на дощатом помосте стоял колченогий стол с жестяным чайником, а вокруг на деревянных ящиках и венских стульях сидело десятка три молодых людей в косоворотках, кожанках и поношенных пиджаках. На стене висел нарисованный углем плакат: «Стихом по нэпманской коросте!»

Когда они вошли, на помосте как раз надрывался худощавый юноша в очках без оправы, яростно рубивший воздух кулаком:

— Мы вырвем солнце из небесных пазух! Загоним в топки фабрик и турбин! И пролетарский кованый указ Раздавит мерзость барственных глубин!

Делякин протиснулся к помосту, скинул на пол шарф и, не дожидаясь, пока юноша закончит, громовым голосом объявил:

— Товарищи! У нас в гостях представитель морской стихии и ледовой науки! Но прежде чем он скажет слово о геодинамике, я прочту манифест балтийских кочегаров!

Тимофей скромно присел на перевёрнутый ящик из-под гвоздей у самой двери, надеясь переждать бурю и тихо выскользнуть на улицу.

Делякин начал читать. Он не просто читал — он ревел, топал коваными ботинками по доскам, взмахивал руками, словно разбрасывал невидимый уголь в паровозные топки. Стихи были громкими, ритмически неровными, но полными искренней, первобытной силы.

Однако в задних рядах сидела группа парней в кепках-восьмиклинках, явно принадлежавших к конкурирующей фракции конструктивистов.

— Долой имажинистский дурман! — выкрикнул один из них, вскакивая со стула. — Это мелкобуржуазный романтизм, прикрытый кочегарной лопатой! Где диалектический анализ классовой борьбы в строфе номер четыре?!

— Сам ты мелкобуржуазный! — не прерывая декламации, рявкнул Делякин. — Ты в котельной хоть раз давление пара видел, критик кабинетный?!

— Заткнись, рифмоплёт!

Кто-то швырнул в помост жестяную кружку с недопитым чаем. Делякин спрыгнул вниз, сгреб критика за грудки, и через секунду в подвале завязалась классическая петроградская литературная баталия. Затрещали раздираемые пиджаки, покатились по полу стулья, в воздухе замелькали кулаки и обрывки рукописей.

Тимофей вскочил, инстинктивно прижимая к боку картонную папку. Он попытался протиснуться между дерущимися, чтобы вытащить Делякина из кучи-малы:

— Граждане литераторы, соблюдайте регламент! Товарищи, прекратите рукоприкладство, это антинаучно!

В этот момент чья-то широкая спина в промасленном ватнике с размаху налетела на Тимофея. Очки слетели с его носа, папка выскользнула из рук и шлёпнулась на грязный дощатый пол.

Тимофей присел на корточки, лихорадочно шаря руками по полу в поисках очков и рассыпавшихся бумаг. Кто-то наступил ему сапогом на полу реглана, чья-то рука швырнула поверх папки пустую консервную банку. Наконец он нащупал целую роговую оправу, водрузил её на нос, сгреб в охапку листы, сунул их обратно в картонную обложку и, ухватив за шиворот отбивающегося Делякина, потащил поэта к выходу.

Через минуту они оба, тяжело дыша, вывалились через низкую дверь в холодную темноту осенней подворотни. Дверь за ними с грохотом захлопнулась, и глухой голос изнутри прокричал:

— И не возвращайтесь, формалисты проклятые!

Делякин сидел на ступеньках, утирая разбитую губу рукавом, и хрипло, счастливо хохотал:

— Видал, Радциг?! Какая страсть! Какой напор! Вот это я понимаю — критика снизу! Душевно посидели!

Тимофей отряхнул грязь с колен, поправил съехавший набок галстук и с укоризной посмотрел на друга:

— Ты неисправим, Вовка. Настоящие ледники спокойнее твоих поэтов в десять раз. Пойдем, я провожу тебя до трамвая, а то тебя в таком виде первый же патруль заберёт.

Домой Тимофей вернулся около полуночи.

В коммунальной квартире было темно и тихо; лишь на кухне монотонно капала вода из неисправного медного крана.

Он прошёл в свою комнату, зажёг лампу под зелёным абажуром и положил на стол помятую картонную папку. Нужно было окончательно разобрать научные формуляры перед завтрашней погрузкой на «Красный Октябрь».

Тимофей снял резинку, раскрыл картонные створки и принялся методично перекладывать листы: гидрологические таблицы, инструкции по консервации глубоководных проб, схемы размещения самописцев Ришара…

Внезапно пальцы его замерли.

Он нахмурился, пересчитал страницы ещё раз, затем перевернул всю пачку.

Не хватало трёх листов плотной чертёжной бумаги.

Это были подробные рукописные выписки из заводской спецификации вспомогательного дизель-генератора и принципиальная схема коммутации высоковольтных кабелей между кольцовской тепловой пушкой и носовым турбогенератором — те самые заметки с расчётами термических нагрузок, которые он делал сегодня днём в машинном отделении и лаборатории.

Тимофей встал, обшарил карманы реглана, проверил портфель, заглянул под стол. Пусто.

Он потёр уставшие, воспалённые от табачного дыма глаза.

«Чёрт возьми… — подумал он с досадой. — В подвале у Делякина выпали, когда на меня налетел этот верзила в ватнике. Или на Сенной, пока тащил Вовку к остановке».

Он постоял посреди тихой комнаты, слушая мерный стук дождя по жестяному отливу окна. Внутри шевельнулся слабый, неприятный холодок — терять технические заметки по секретному объекту было скверно. Но, с другой стороны, это были всего лишь его собственные черновые расчёты, без официальных грифов и заводских штампов. Никаких государственных тайн там не содержалось — только формулы теплоёмкости кварца и закон Джоуля-Ленца в применении к корабельной сети.

«Ничего, — успокоил себя Тимофей, садясь за стол и придвигая чистый лист бумаги. — Завтра на переходе до Кронштадта всё восстановлю по памяти за два часа. Формулы из головы не выпадают».

Он открыл коробочку с новыми часами «Точмех», достал хронометр и застегнул толстый кожаный ремешок на левом запястье.

В полумраке комнаты, когда он погасил настольную лампу, стрелки и деления на чёрном циферблате вспыхнули ровным, холодным изумрудным светом. Они горели спокойно, неумолимо и точно, отсчитывая последние мирные часы.

Тимофей подошёл к окну.

За чёрными силуэтами петербургских крыш, далеко на юго-западе, стоял у причальной стенки большой стальной корабль. Он ждал рассвета. Он ждал людей. Он ждал штормов.

Тимофей посмотрел на зелёную точку секундной стрелки, совершавшей свой вечный, не знающий сомнений круг, и тихо закрыл форточку.

Глава 5

Утро началось с грохота в дверь. Стучали не просто громко, а с тем особым казённым остервенением, от которого жильцы ленинградских коммуналок мгновенно просыпались и начинали лихорадочно вспоминать, нет ли за ними просроченных налогов за нэпманские годы или несданных домовых анкет.

Тимофей рывком сел на железной кровати. В комнате стоял серый предутренний полумрак. На часах «Точмех» зеленоватые стрелки показывали четверть шестого.

— Радциг! Тимофей Михайлович! — надрывался за фанерной переборкой дребезжащий голос управдома Евдокимова. — К телефону спуститесь! Срочный из Смольнинского узла! Вторую категорию вызова дали, линия гудит!

Тимофей наспех натянул брюки, сунул босые ноги в стоптанные парусиновые туфли и, путаясь в рукавах домашней кофты, выскочил в холодный коридор.

В полуподвальной конторе домоуправления пахло мышиным пометом, карболкой и застарелым табаком «Дюбек». На колченогом конторском столе стоял тяжелый эбонитовый аппарат с блестящим никелированным рычагом. Черная трубка лежала прямо на раскрытой домовой книге.

Тимофей прижал холодную мембрану к уху:

— Радциг у аппарата.

Из трубки сквозь треск и шорох междугородных реле ударил захлёбывающийся, полубезумный от восторга голос инженера Кольцова:

— Тимофей Михайлович! Живы?! Бросайте всё к чертям собачьим! Главвоенмор дал добро на стрельбы в полигоне номер два! Пары развели, котлы на клапанах! Выход через час ровно! Если опоздаете — Черкасов снимется без науки, он шутить не любит! Бегите на Северную!

— Понял. Выезжаю, — коротко бросил Тимофей и повесил трубку, не слушая дальнейших восторгов конструктора.

Через двенадцать минут, на ходу застёгивая пуговицы реглана и затягивая ремень брезентового планшета с чистыми бланками наблюдений, он уже выбегал из подворотни на мокрый асфальт Пятой линии.

К семи часам утра «Красный Октябрь» уже отдавал швартовы.

Над Большим бассейном завода имени Жданова стоял плотный, студёный туман, перемешанный с жирным угольным дымом. Три гигантских паровых свистка эсминца выдали короткий, низкий аккорд, от которого задрожали стекла в окнах корпусного цеха и с карканьем поднялась стая вспугнутых чаек.

Тимофей стоял на ходовом мостике, вцепившись побелевшими пальцами в латунный поручень ветроотбойника. Холодный воздух бил в лицо, заставляя щуриться.

Слева и справа от хищного серого корпуса «Октября», разрезая мутную балтийскую зыбь, шли два сторожевых корабля типа «Ураган» — небольшие, узкие, ощетинившиеся стомиллиметровыми орудиями и глубинными бомбами на кормовых скатах. Они шли в кильватерном охранении, обеспечивая секретность выхода новейшего лидера из заводской акватории.

— Машинам — средний вперёд, — негромко скомандовал Черкасов, не отрывая бинокля от глаз. Шрам на его лице в утреннем свете казался белым штрихом, нанесённым мелом. — Рулевой, курс норд-вест, держать створ кронштадтских маяков.

— Есть норд-вест, держать створ! — глухо отозвался рулевой Ковалёв, плавно перекладывая спицы дубового штурвала.

Корабль вздрогнул. Под ногами Тимофея ожили тысячи тонн стали. Нос эсминца легко, без видимого усилия рассёк первую крупную волну Кронштадтского рейда, подняв веер белой, пенной крошки, долетевшей до самых стекол штурманской рубки.

Кольцов, стоявший рядом в толстом свитере под распахнутым кожаным пальто, нервно потирал озябшие руки:

— Ну, сейчас… Сейчас начнётся настоящая музыка, Тимофей Михайлович. Никаких стендов. Чистая морская гидродинамика!

— Главным турбинам — сорок узлов! Форсировать наддув топок! — бросил Черкасов в медный раструб переговорной трубы машинного отделения.

Ответ Вишняка донёсся с металлическим эхом, сквозь яростный рев пара:

— Есть сорок! Держитесь за переборки, командир, сейчас мы им покажем кузькину мать!

Тимофей почувствовал, как невидимая исполинская рука плавно вдавила его в стальную стенку надстройки.

Звук турбин изменился. Исчезло дробное постукивание вспомогательных насосов — его сменил сплошной, утробный, вибрирующий гул чудовищной мощи. Три гребных винта диаметром в два с половиной метра буквально вгрызлись в балтийскую воду, вспенивая за кормой циклопический бурун высотой в два человеческих роста.

Эсминец присел на корму, задрал острый форштевень и полетел над свинцовой гладью залива, словно гигантский бронированный снаряд.

Тимофей взглянул на хронометр «Точмех»: стрелка отсчитывала секунды мерной мили. На спидометре гидродинамического лага латунная стрелка уверенно переползла деление сорок два и замерла на отметке сорок три с половиной узла.

Кольцов схватил Тимофея за плечо и потащил вниз, в центральный пост:

— Смотрите на вибрографы! Смотрите, Радциг!

На приборной доске контрольного поста механической лаборатории три тонких стальных пера вычерчивали на закопчённой бумажной ленте идеальные, едва заметные волнистые линии. Никакой паразитной тряски. Никакого разрушительного резонанса, которого так боялись заводские проектировщики на стапелях.

— Корпус держит! — кричал Кольцов, перекрывая вой турбин. — Продольные связи с дубовыми подушками полностью поглощают кручение! Мы можем стрелять на сорока узлах! Слышите, Радциг?! Мы можем жечь их на полном ходу!

Тимофей молча кивнул, глядя на ровную линию виброграммы. В этой расчётливой точности металла, подчинившегося формулам советских инженеров, была своя суровая, почти пугающая красота.

К одиннадцати часам утра эсминец вышел в полигон закрытого архипелага у островов Койвисто и Тиуринсаари.

Здесь, в узких гранитных проливах между заросшими низкорослым лесом островами, балтийская волна утихала. В полутора милях от борта эсминца на якорях стояла специальная мишень — списанная старая баржа с установленными на ней броневыми плитами и нагромождением массивных ледяных глыб, доставленных накануне из кронштадтских ледников.

На мостике воцарилась напряжённая, звенящая тишина.

— Расчётам главного калибра — отбой, — ровным голосом произнёс Черкасов. — Испытания специзделия «Луч». Товарищ Кольцов, занять место у пульта наведения.

— Есть специзделие! — голос конструктора сорвался на фальцет.

Тимофей вместе с капитаном поднялся на открытую платформу носового дальномерного поста, подняв к глазам тяжелый призматический бинокль с двенадцатикратным увеличением.

Внизу, на самом острие форштевня, с глухим гидравлическим шипением открылись бронированные створки носового купола. На свет показалась кварцевая линза кольцовского излучателя. В пасмурном осеннем свете толстое стекло казалось темным, почти черным оком спящего чудовища.

Где-то в глубине корпуса взвыл высокочастотный генератор накачки. Звук нарастал, переходя от низкого гудения к тонкому, сверлящему уши ультразвуковому свисту. Тимофей почувствовал, как волоски на предплечьях встали дыбом: воздух вокруг надстройки наполнился едким запахом озона и статического электричества.

— Накопители — сто процентов! — донеслось из переговорной трубы. — Цель захвачена! Дистанция — семь кабельтовых!

— Огонь! — скомандовал Черкасов.

Тимофей ожидал громового удара, вспышки, сотрясения палубы — всего того, чем сопровождается выстрел морского орудия.

Но выстрела не было.

Раздался лишь короткий, сухой щелчок, похожий на звук лопнувшей гитарной струны чудовищной толщины, и воздух между эсминцем и мишенью на долю секунды дрогнул, подернувшись прозрачной, искривляющей пространство тепловой рябью, какая бывает над раскалённой чугунной плитой.

В тот же миг стальной борт баржи-мишени вспыхнул ослепительным, химически-белым пламенем.

Тимофей прижал бинокль к глазам. Двухдюймовая корабельная броня не просто пробивалась — она вскипала. Металл тёк ослепительными струями, расплескиваясь в воду снопами шипящих брызг. Ледяные монолиты позади броневого листа с сухим треском взорвались изнутри: перегретый пар разорвал пятитонные глыбы в мельчайшую ледяную пыль, образовав вокруг баржи гигантское кипящее облако белого тумана.

Через три секунды всё было кончено. На месте броневого щита зияла оплавленная дыра с висящими каплями застывающего шлака размером с колесо грузовика.

Отдача эсминца оказалась смехотворно малой — корпус лишь слегка вздрогнул, просев на пару сантиметров. Но Тимофей заметил другое: от бронированного основания носового купола повалил густой серый пар. Медные радиаторы охлаждения, прокачивавшие забортную воду, шипели, как раскаленный утюг.

Кольцов высунулся из люка спецотсека — лицо его было мокрым от пота, глаза сияли безумным торжеством:

— Видели?! Видели, Радциг?! Пять тысяч градусов в пятне контакта! Чистая термодинамика!

Черкасов медленно опустил бинокль, вытер ладонью лоб и посмотрел на дымящиеся скалы недалекого острова Тиуринсаари, где от жара вспыхнула полоса сухого берегового камыша.

— Да уж, — капитан усмехнулся в прокуренные усы, и шрам на его брови дрогнул. — Посносили все подберёзовики на островах! Там же берёз много… Теперь ихние подберёзовики в огне. Зато финские пограничники на том берегу, небось, все бинокли перекрестили от нашей советской магии.

— Основание греется, Алексей Григорьевич, — негромко заметил Тимофей, подходя к комингсу люка. — Теплоотвод через стрингеры недостаточен. В теплых широтах забортная вода не успеет снять температуру с накопителей.

— Знаю! — махнул рукой конструктор, вылезая на палубу. — В трюме добавим углекислотные теплообменники. Главное — луч стабилен! Фокус держит!

На обратном переходе к Ленинграду эсминец сбавил ход до экономичных пятнадцати узлов.

Тимофей поднялся на гидрографический пост штурманской рубки, чтобы провести калибровку глубоководного эхолота и автоматических сейсмографов Ришара.

В узкой лаборатории царила деловая тишина. Матовые ленты самописцев медленно ползли под иглами, оставляя четкие чернильные графики глубин Кронштадтского фарватера.

Тимофей постучал пальцем по стеклу дифференциального магнитометра: стрелка замерла точно на магнитном меридиане, не испытывая возмущений от корабельного железа. Компенсационные катушки, установленные по его требованию на кормовом флагштоке, полностью гасили наводки судовых генераторов.

— Работает, — удовлетворенно пробормотал он, занося данные в вахтенный журнал гидрографической группы.

Дверь поста скрипнула, и в помещение вошел Кольцов. Вид у инженера был уже не столь торжествующий: он держал в руках раскрытую брезентовую папку с заводскими кальками тепловой установки и нервно покусывал ноготь большого пальца.

— Тимофей Михайлович… вы чертежи узла вторичной коммутации не брали утром со стола в кают-компании?

Тимофей обернулся:

— Нет. Я работал только с навигационными формулярами. А в чем дело?

— Ерунда какая-то, — пробормотал Кольцов, перебирая листы. — Кальки переложены не по порядку. Схема дугового разрядника почему-то оказалась в папке шарового танка, а спецификация кварцевых накопителей вообще перевернута вверх ногами. Я сам лично складывал их вчера вечером по номерам штампов. У меня в чертежах идеальный порядок, как в аптеке!

В этот момент в проёме переборки показался молодой конопатый матрос Савельев — тот самый, что дежурил утром по носовому кубрику.

— Товарищ воентехник, разрешите обратиться? — матрос неловко переступил с ноги на ногу.

— Что у вас, Савельев? — нахмурился Кольцов.

— Да я насчет чертежей этих… Вы когда перед отходом на мостик бегали, к вам в выгородку рабочий один заходил. В сером пальто таком, чистеньком, и кепке суконной. Я думал — из заводской приемной комиссии, он с фотокамерой маленькой был. Сказал, мол, для многотиражки «Балтийский гигант» памятную стенку в кубрике снимает и общий вид переборки. Пощелкал затвором около вашего стола и ушел на набережную, аккурат перед самым подъемом сходней.

Кольцов медленно побледнел. Папка в его руках мелко задрожала.

— Какой… рабочий? Какая многотиражка? Всем корреспондентам запрещен вход на борт без личного разрешения Черкасова!

Тимофей замер.

Перед его глазами мгновенно всплыли детали вчерашней поездки в трамвае: серое суконное пальто, саксонский твил, пуговицы с параллельной глухой посадкой, холодные водянистые глаза… И пропавшие вчера ночью листы с его собственными расчетами термических нагрузок.

— Пальто, — тихо, но раздельно произнес Тимофей. — Ткань с диагональным рубчиком. Мелкий шелковистый рисунок. Так, Савельев?

Матрос удивленно захлопал ресницами:

— Точно так, товарищ начальник! Еще пуговицы у него чудные такие, плоские, черные…

— Черт! — Кольцов выронил папку, листы кальки веером брызнули по настилу палубы. — Чертежи накопителя пересняты!

«Красный Октябрь» входил в Большой бассейн завода имени Жданова, когда на набережной уже зажигались первые тусклые дуговые фонари.

Корабль еще только гасил инерцию задним ходом, пеня воду у деревянной причальной стенки, а матросы на баке только готовились завести швартовые концы на чугунные кнехты. Трап еще не был подан.

— Некогда ждать сходней! — прохрипел Кольцов, перемахивая через фальшборт полубака.

Инженер ухватился за толстый пеньковый швартов, намертво заложенный за носовой клюз, и, обдирая ладони, заскользил вниз, на мокрые брёвна причала.

— Алексей Григорьевич, стойте! — крикнул Тимофей, но было поздно.

Чертыхаясь про себя и поминая недобрым словом академическую сдержанность, Тимофей перевалился через стальной борт, нащупал ногами скользкий, пропитанный дегтем канат и полез следом. Плечо прострелило резкой болью, когда он неудачно спружинил на деревянный настил набережной, но каска осталась на голове, а очки уцелели.

Они побежали по черной заводской земле, утопая в жирной мазутной грязи вперемешку со стальной стружкой.

У ворот достроечного эллинга, прямо под моросящим дождем, стояла Вера Соболева. В руках она держала свой «ФЭД», прикрывая объектив полой демисезонного пальто от сырости — она снимала швартовку корабля с верхней площадки кранового пути.

Увидев бегущих Тимофея и Кольцова, она бросилась им навстречу:

— Что случилось?! Стрельбы отменили?!

— Вера! — задыхаясь, крикнул Кольцов, хватая ее за плечо. — Человек в сером пальто! Вы видели, куда он пошел?!

Вера мгновенно подобралась, ее глаза сузились:

— Пять минут назад. Он спустился по кормовому канату такелажников, пока вы крутили циркуляцию на рейде, и почти бегом рванул в сторону корпусосборочного цеха! У него в руках был саквояж из черной кожи!

— За ним! — бросил Тимофей.

Корпусосборочный цех завода имени Жданова подавлял своими циклопическими размерами.

Это был гигантский собор из клепаной стали и армированного стекла длиной почти в четверть километра. Под высоченными сводами, терявшимися в сизом полумраке, замерли фермы мостовых кранов грузоподъемностью в пятьдесят тонн. На бетонном полу громоздились разрезанные гильотинными ножницами листы броневой стали, криволинейные шпангоуты будущих крейсеров и циклопические секции двойного дна, стянутые временными монтажными болтами.

Сейчас, в межсменный перерыв, цех казался вымершим.

Лишь в дальнем углу у переносного горна дежурный сварщик зачищал пневматическим зубилом шов на броневой плите, выбивая снопы трескучих багровых искр: тр-р-р-р-р… Звук гулко отражался от пустых металлических плоскостей, создавая ощущение множественного, сбивающего с толку эха.

Тимофей, Кольцов и Вера влетели через боковые распашные ворота.

— Разделимся, — тяжело дыша, прошептал Кольцов, нашаривая в кармане кожаного пальто тяжелый вороненый «наган», выданный ему заводской комендатурой. — Он не мог выйти через центральные ворота — там вахта со стрелками ВОХР. Он пойдет к западному железнодорожному тупику.

Они двинулись вдоль ряда стапельных лесов.

Тимофей шел тихо, ступая по деревянным подкладкам. Запах окалины и машинного масла здесь был настолько густым, что першило в горле. Внезапно впереди, за темной тушей недостроенного судового редуктора, мелькнула тень.

Послышался сухой щелчок осыпавшейся стальной стружки.

— Стой! Стрелять буду! — сорвавшимся голосом заорал Кольцов, вскидывая револьвер и бросаясь за угол стапеля.

Тимофей рванул следом.

За редуктором никого не было. Лишь на земле валялась брошенная ветошь, да из приоткрытой боковой двери пожарного выхода тянуло сырым холодом ленинградской ночи.

Шпион ушел на внешнюю территорию.

Они выскочили к проходной номер три, выходившей на глухую заводскую ветку в сторону товарной станции.

Старый вахтер в овчинном тулупе с винтовкой-трехлинейкой испуганно вжался в будку, когда троица с оружием вывалилась из темноты.

— Кто прошел?! Быстро! — рявкнул Кольцов, тыча в лицо старику красной книжкой наркоматовского спецпропуска.

— Т-техник из чертежного бюро… — заикаясь, выдавил вахтер. — Пропуск постоянный, со штампом Особого отдела… В сером пальто гражданин. Сказал, на скорую почту торопится…

— Какое пальто?! — шагнул вперед Тимофей. — Ткань в косой рубчик? Пуговицы черные, плоские?!

— Т-точно так, товарищ начальник… Еще кепка у него иностранного фасону, с пуговкой на макушке… Минуты три как вышел, к шоссе побежал!

Тимофей повернулся к Кольцову:

— Это тот самый, Алексей Григорьевич. Я видел его в трамвае три дня назад. Ткань у него была странная — не как у наших. Он ведет нас от самого чертежного бюро!

Кольцов побелел так, что в свете фонаря стали видны темные жилы на висках:

— Машина! Фаэтон у заводоуправления! Он не должен уйти с пленками!

Заводской фаэтон ГАЗ-А рванул с места с визгом покрышек по мокрой брусчатке, вздымая веера грязной воды из придорожных канав.

Кольцов сидел за рулем, вцепившись в баранку побелевшими пальцами, вдавив педаль газа в самый полик. Двигатель ревел на пределе оборотов. Рядом на переднем сиденье Тимофей вглядывался сквозь забрызганное дождем лобовое стекло в темноту петляющей дороги. На заднем сиденье Вера лихорадочно перезаряжала кассету в своем «ФЭДе», доставая новую фотопленку из жестяной коробки.

От резкого толчка на трамвайных путях машина подпрыгнула. Жестяная баночка выскользнула из пальцев Веры, и маленькая цилиндрическая кассета с отснятой вечерней пленкой — заход «Красного Октября» в Большой бассейн — со звоном упала на резиновый коврик под переднее сиденье, закатившись в темный угол за тягой ручного тормоза.

— Черт! — вскрикнула Вера, но поднимать кассету с пленкой было некогда: машина уже влетала на освещенный перекресток у Нарвских ворот.

— Вон он! — крикнул Тимофей, указывая рукой на темный силуэт у второй проходной завода «Красный путиловец».

Человек в сером пальто как раз запрыгивал на подножку попутной полуторки с высокими деревянными бортами, груженной пустыми ящиками из-под снарядных гильз.

— Держись! — взревел Кольцов.

Фаэтон, не сбавляя хода, снес хлипкий деревянный шлагбаум ведомственного переезда. Деревянные щепки брызнули во все стороны, барабаня по капоту.

Началась бешеная, отчаянная гонка по ночному Ленинграду.

Грузовик несся по улице Стачек, срезая углы по трамвайным путям. Кольцов висел на хвосте полуторки в трех метрах, ослепляя шофера дальним светом фар. На повороте на набережную Обводного канала задний мост фаэтона занесло на скользких чугунных плитах мостовой; машина чудом не врезалась в гранитный парапет, обдав набережную снопом искр от чиркнувшего по камню крыла.

— Стой, гад! — орал Кольцов, сигналя клаксоном-«утиным носом»: кря-а-а-у! кря-а-а-у!

Из переулка на улицу Розы Люксембург вылетела патрульная пролетка милиции, привлеченная шумом и визгом шин. Из нее выскочили двое милиционеров в серых гимнастерках, один из них вскинул свисток.

Но Кольцов даже не затормозил. Фаэтон проскочил перекресток на красный свет, обдав милиционеров фонтаном грязной воды. Сзади, набирая скорость, уже ревел мотоцикл с коляской — милиция пустилась в погоню.

Впереди показался темный массив Балтийского вокзала.

Полуторка резко затормозила у привокзальной площади, развернувшись поперек дороги. Человек в сером пальто спрыгнул с подножки прямо на ходу, перекатился по мокрому асфальту, вскочил на ноги и с саквояжем в руках ринулся в центральный вход вокзального вестибюля, растворяясь в густой толпе пассажиров вечерних пригородных поездов.

Кольцов ударил по тормозам. Фаэтон юзом прочертил по мостовой и замер у самых ступеней.

Сзади, с воем сирены и треском мотора, подкатил мотоцикл. Двое милиционеров спрыгнули с него, один — с наганом в руке:

— Граждане! Нарушение правил уличного движения! Предъявите документы!

— Документы потом! — рявкнул Кольцов, показывая красную книжку. — Шпион! Диверсант! Он скрылся в здании вокзала! Перекрывайте выходы!

Милиционер мгновенно подобрался, кивнул напарнику, и тот побежал к дежурному по станции.

В здании Балтийского вокзала стоял привычный привокзальный гул: свистели маневровые паровозы за стеклянными витражами перрона, пахло махоркой, мокрой шерстью, горячими пирожками и немытыми телами. Толпы рабочих, крестьян с мешками и командиров в шинелях штурмовали билетные кассы.

— Перекрыть выходы на перроны! — кричал Кольцов, врываясь в кассовый зал с револьвером в руке, пугая женщин с узлами. — Товарищи из Бригадмила! Задержите человека в сером пальто! Государственная безопасность!

Пятеро дружинников с красными нарукавными повязками «Бригадмил» и двое милиционеров из патрульного мотоцикла мгновенно бросились к дверям, отсекая толпу от поездов.

Бригадмиловцы действовали слаженно — видно было, что не в первый раз. Двое встали у центрального входа, перекрывая поток входящих, трое рассредоточились по залу, вглядываясь в лица. Один из них, пожилой рабочий в кожаной тужурке, скомандовал:

— Граждане! Без паники! По предъявлении документов проход свободен! Проверяем только лиц мужского пола в верхней одежде!

Тимофей и Вера бежали вдоль рядов деревянных скамей зала ожидания.

Тимофей сканировал лица пассажиров с автоматизмом картографа, ищущего опорный ориентир. Кепки, платки, военные фуражки, ушанки…

— Там! — Вера указала рукой в темный угол за багажными весами.

Возле чугунной колонны, прямо на полу среди брошенных газет и окурков, темнела бесформенная серая куча.

Тимофей подбежал и рывком поднял вещь.

Это было то самое пальто.

Тяжелое, из необычной ткани с мелким диагональным рубчиком, с черными плоскими пуговицами. Карманы были вывернуты наружу — шпион сбросил приметную одежду за считанные секунды и ушел в толпу в одном рабочем ватнике или пиджаке, которых вокруг были тысячи. Саквояж и переснятые пленки исчезли вместе с ним.

Через десять минут площадь перед вокзалом была оцеплена взводом оперативного полка ОГПУ.

Подъехали две черные машины. Из одной вышли трое сотрудников Особого отдела в кожаных куртках. Из второй, спустя полчаса после того, как Кольцова, Тимофея и Веру уже отвели в кабинет дежурного по станции, прибыл коренастый моряк с тремя золотыми шевро-

нами на рукаве кителя — вице-адмирал Балтийского флота. Ему доложили о случившемся по телефону, и он выехал лично.

Вице-адмирал быстро выслушал сбивчивый, яростный доклад Кольцова, посмотрел на изъятое пальто и тяжело вздохнул:

— Значит, чертежи теплового накопителя ушли. Спецификация дизеля тоже.

— Не все ушли, товарищ адмирал! — с вызовом ответила Вера, сжимая кулаки. — Формулы охлаждения и поправки на ледовый дрейф остались в голове у профессора Радцига! Без них эти чертежи — просто куски фотобумаги!

Вице-адмирал перевел внимательный, тяжелый взгляд на Тимофея:

— Это правда, Радциг?

— Правда, — спокойно ответил Тимофей, поправляя очки. — Они получили геометрию пушки. Но они не знают динамики термического расширения линзы при минусовых температурах. Без этих данных их установка взорвется при первом же боевом импульсе.

Адмирал коротко кивнул. Затем повернулся к чекистам:

— Допросы закончены. По машинам. Все свободны. Завтра в шесть ноль-ноль «Красный Октябрь» снимается с якоря и уходит в океан. Больше мы не имеем права терять ни часа.

Когда милицейские протоколы были подписаны, а взволнованные свидетели отпущены, в кабинете остались только Тимофей, Кольцов и невысокий, лысеющий сотрудник Особого отдела ОГПУ в кожаной куртке без знаков различия.

Чекист медленно подошел к столу, на котором лежало брошенное пальто.

Он достал из кармана складную лупу с цейсовской оптикой, включил настольную лампу под зеленым жестяным колпаком и принялся методично, сантиметр за сантиметром, исследовать швы, петли и подкладку сукна.

Его пальцы двигались уверенно, профессионально, с тонкой чувствительностью хирурга.

Наконец он выпрямился, убрал лупу в карман и поднял на Тимофея свои выцветшие, абсолютно спокойные глаза:

— Судя по всему, немцы делали. Слишком уж педантично сделан рисунок. Саксонская гребенная шерсть, крутка нити в двенадцать сложений. Советские станки так рисунок не держат, сбиваются на третьем метре основы. Да и подкладочный шелк из Крефельда.

Чекист бросил пальто обратно на стол и закурил папиросу «Красная звезда»:

— Значит, товарищи, у нас на заводе работал кадровый агент абвера. Работал чисто, по поддельным документам погибшего инженера из Ижорского завода. И он ушел. Часть чертежей по тепловой установке и схеме дирижабля ушла вместе с ним.

В кабинете повисла тяжелая, гулкая тишина, нарушаемая лишь далеким свистом маневрового паровоза за окном.

— Что теперь будет? — тихо спросил Кольцов, глядя в пол.

— То, что приказано, — чекист выпустил струю сизого дыма в потолок. — Вы идете в Антарктиду. Но теперь вы должны знать: они знают, куда вы идете. И они сделают всё, чтобы оказаться там раньше вас. Или встретить вас у ледового барьера. Будьте готовы стрелять не по мишеням, товарищ Кольцов.

Они вышли на мокрую, продуваемую ветром площадь перед вокзалом.

Дождь превратился в колючую ледяную крупу — первое дыхание близкой балтийской зимы.

Тимофей стоял на мокром асфальте, подняв воротник реглана. Кольцов рядом тяжело дышал, глядя на темные силуэты привокзальных крыш. Вера молча держала фотоаппарат на груди, спрятав руки в карманы; лицо ее было бледным, но в серых глазах застыла холодная, упрямая решимость.

— Мы найдем его, — негромко произнес Тимофей, глядя туда, где за чертой города темнели мачты эсминца. — Там, во льдах, спрятаться негде. Там нет чужих трамваев и толпы.

Кольцов молча кивнул и открыл дверцу фаэтона.

Машина тронулась, увозя их обратно на Северную набережную, к готовому к броску кораблю.

На полу машины, в глубокой тени под сиденьем, среди брошенных гаечных ключей и комьев засохшей заводской грязи, лежала маленькая металлическая кассета с фотопленкой, выпавшая из рук Веры во время бешеной гонки. Она не заметила потери.

На пленке был зафиксирован заход «Красного Октября» в Большой бассейн — вечерний кадр, снятый с верхней площадки кранового пути. На нем темнел силуэт корабля, гасящего инерцию у причальной стенки, и несколько фигур на палубе.

Никто не знал, что эта кассета лежит на полу фаэтона. Машина неслась сквозь тьму навстречу океану.

Глава 6

Утро пятнадцатого октября тысяча девятьсот тридцать первого года на Северной набережной завода имени Жданова началось с сырого, пронзительного звона медных труб.

Музыканты флотского оркестра в синих суконных шинелях стояли на дощатом настиле у самого среза воды и старательно грели мундштуки дыханием. Пар от их губ взлетал к серым стропилам достроечного эллинга, где уже копошились заводские такелажники. Вдоль причальной стенки, прямо по мерзлой черной грязи, перемешанной с мазутом и опилками, была раскатана узкая кумачовая дорожка.

Тимофей стоял у трапа, придерживая рукой воротник реглана. На ногах у него были старые яловые ботинки с потертыми носами; после вчерашней беготни по Балтийскому вокзалу левая подметка снова предательски чавкала на стыке.

Рядом, переминаясь с ноги на ногу, высился инженер Кольцов. На Алексее Григорьевиче красовались новейшие хромовые сапоги на толстой резиновой подошве, начищенные гуталином «Экстра» до зеркального блеска, и флотское драповое полупальто с золочеными пуговицами военного инженера третьего ранга.

— Вы бы хоть гуталином прошлись, Тимофей Михайлович, — негромко шепнул Кольцов, косясь на ботинки ученого. — Все-таки флаг поднимаем. Командующий округом едет, пресса, наркоматовские…

— Гуталин химическому составу кожи водонепроницаемости не добавляет, — сухо отозвался Тимофей, поправляя очки. — А сапоги ваши, Алексей Григорьевич, через два часа на балтийском ветру задубеют так, что пальцев не разогнете. Хром мороза не держит.

Кольцов хотел что-то возразить, но осекся.

Со стороны проходной, легко перешагивая через бронированные кабели и лужи машинного масла, к причалу шла Вера Соболева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.